

Мэтт де ла Пенья
Кирстен Уайт
Дэвид Левитан
Лэйни Тэйлор
Стефани Перкинс
Холли Блэк
Майра Макинтайр
Келли Линк
Гейл Форман
Рэйнбоу Роуэл
Элли Картер
Дженни Хан

12 историй о настоящей любви (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18109101
12 историй о настоящей любви: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-092871-2

Аннотация

Что бы вы ни праздновали, Рождество или Хануку, зимнее солнцестояние или Новый год, здесь найдется история на любой вкус. Все они о любви, и теперь у вас есть двенадцать прекрасных поводов, чтобы влюбиться – в Нью-Йорке или на Северном полюсе, в футболке с покемонами или в парчовом камзоле, в школе или в штаб-квартире Санта-Клауса, в друга детства или в прекрасного незнакомца...

Трогательные, смешные, романтические и неожиданные рассказы о том, что влюбиться никогда не поздно!

Содержание

Рэйнбоу Роуэл	5
Келли Линк	20
Мэтт де ла Пенья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

12 историй о настоящей любви (сборник)

My True Love Gave To Me
Twelve Holiday Stories

*Печатается с разрешения авторов, составителя и литературных агентств KT
Literary, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency*

Copyright © 2014 by Stephanie Perkins
© М. Приморская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Рэйнбоу Роуэл Полночь

31 декабря 2014, незадолго до полуночи

На террасе под навесом было холодно. Очень холодно. И темно.

Темно – потому что Мэгс была на улице в полночь и стояла в тени.

Здесь ее уж точно никто не станет искать. Никто, а особенно Ноэл. Она пропустит весь праздник.

И слава богу. Жаль, что раньше не додумалась.

Мэгс прислонилась к стене дома Алисии и принялась грызть крекеры, которыехватила с собой. (Мама Алисии делает лучшие крекеры в мире.) Из окон доносилась музыка, но вдруг она смолкла. Отлично. Значит, сейчас начнется обратный отсчет.

– *Десять!* – закричал кто-то.

– *Девять!* – голосов стало больше.

– *Восемь!*

Мэгс все пропустит.

Вот и хорошо.

31 декабря 2011, почти полночь

– А в них есть орехи? – спросил мальчик.

Мэгс остановилась, не донеся до рта крекер, густо намазанный сливочным сыром и соусом песто.

– По-моему, есть, кедровые... – отозвалась она, скосив глаза на печенье.

– Кедровые орехи считаются лесными?

– Понятия не имею. Трудно даже представить, что кедровые орехи растут на кедровых соснах. Ты как считаешь?

Мальчик пожал плечами. У него были густые растрепанные каштановые волосы и большие голубые глаза. На нем была футболка с покемонами.

– Я так себе эксперт по лесным орехам, – добавила Мэгс.

– Да и я тоже, – признался мальчик. – Хотя вообще-то должен им быть. Если я случайно съем хоть один орех, то умру. Если бы что-то могло тебя убить, разве ты не постаралась бы узнать об этом побольше?

– Не уверена, – девочка сунула крекер в рот, – Скажем, о раке я мало что знаю. Или об автомобильных авариях.

– Да... – сказал мальчик, грустно глядя на стол с закусками. Он был худой. И бледный. – Но лесные орехи – мои личные враги. Они скорее наемные убийцы, чем фактор случайного риска.

– Черт, – фыркнула Мэгс, – и чем же ты так насолил лесным орехам?

Мальчик рассмеялся.

– Тем, что ел их, наверное.

Громкая музыка вдруг смолкла.

– Уже почти полночь! – крикнул кто-то.

Мальчик и девочка обернулись. Алисия, подруга и одноклассница Мэгс, стояла на диване. Это была ее вечеринка, а еще это была первая новогодняя вечеринка, на которую пригласили пятнадцатилетнюю Мэгс.

– *Девять!* – крикнула Алисия.

– *Восемь!*

В подвале было несколько десятков человек, и теперь все они орали.

Семь!

– Я – Ноэл, – сказал мальчик и протянул руку.

Быстро стряхнув с ладони остатки песто и орехов, девочка обменялась с ним рукопожатием.

– Мэгс.

– *Четыре!*

– *Три!*

– Приятно познакомиться, Мэгс.

– Мне тоже, Ноэл. Поздравляю, ты еще на год смог ускользнуть от лесных орехов.

– Они почти настигли меня под видом соуса песто.

– Точно, – кивнула девочка, – Ты был на волоске.

31 декабря 2012, почти полночь

Ноэл резко прижался спиной к стене и сполз вниз. Усевшись рядом с Мэгс, он толкнул ее плечом, а потом, повернувшись к ней, дунул в карнавальный свисток-язычок.

– Привет.

– Привет.

Мэгс улыбнулась Ноэлу. На нем были пиджак в клетку и белая рубашка с расстегнутым воротом. Бледная кожа Ноэла всегда легко краснела. Вот и сейчас он весь пылал, от линии волос на лбу до второй пуговицы на рубашке.

– Ты просто танцевальная машина, – заметила девушка.

– Я люблю танцевать, Мэгс.

– Знаю, что любишь.

– А возможность выдается не так уж часто.

Она удивленно вскинула брови.

– Я люблю танцевать *на публике*, – пояснил Ноэл. – С другими людьми. Для меня это способ общения.

– Я сохранила это, – Мэгс протянула ему красный шелковый галстук. Ноэл бросил галстук в нее, когда отплясывал на кофейном столике.

– Спасибо, – ответил он, взял его и обмотал вокруг шеи. – Молодец, что поймала. Но вообще-то я пытался выманить тебя на танцпол.

– Ноэл, это был кофейный столик.

– Там бы хватило места на двоих, Маргарет.

Задумавшись, Мэгс поморщилась.

– По-моему, нет.

– Нам с тобой всегда хватит места на двоих, на любом кофейном столике, – провозгласил Ноэл. – Ведь ты – мой лучший друг.

– Пони – твой лучший друг.

Ноэл пробежался пальцами по волосам. Кудрявые пряди были мокрыми от пота.

– Пони тоже мой лучший друг. И Фрэнки. И Коннор.

– И твоя мама, – добавила Мэгс.

Ноэл с улыбкой посмотрел на нее.

– Но особенно ты. Это наша годовщина. Не могу поверить, что ты не станцуешь со мной на нашу годовщину.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала Мэгс. (Она прекрасно понимала, что он имеет в виду.)

– Это произошло прямо здесь, – Ноэл указал на фуршетный стол, куда мать Алисии всегда выставляла закуски. – У меня был приступ аллергии, а ты спасла мне жизнь. Сделала укол адреналина в сердце.

– Я съела немного песто, – сказала Мэгс.

– Героически, – подтвердил Ноэл.

Мэгс вдруг подскочила на месте.

– Ты же не ел салат с курицей, я надеюсь? Он с миндалем.

– Опять спасаешь мою жизнь.

– *Или все-таки ел?*

– Нет. Но я съел немного фруктового коктейля. Думаю, там была клубника. У меня теперь во рту щиплет.

– С тобой все хорошо? – Мэгс покосилась на него.

Ноэл выглядел нормально. Раскрасневшийся. Потный. Его зубам, казалось, было тесно во рту, а рот с трудом умещался на лице.

– Я в порядке, – сказал он. – Если язык распухнет, я дам знать.

– Держи свои неприличные аллергические реакции при себе, – фыркнула Мэгс.

Ноэл подмигнул ей.

– Ты еще не видела, что бывает, когда я ем моллюсков.

Мэгс закатила глаза, пытаясь не рассмеяться. И снова посмотрела на Ноэла.

– погоди, а что происходит, когда ты ешь моллюсков?

Ноэл равнодушно ткнул в грудь.

– Сыпь выступает.

Мэгс нахмурилась.

– Как тебе удалось выжить?

– Благодаря усилиям скромных героев. Таких, как ты.

– Розовый салат тоже не ешь, – строго сказала Мэгс. – Там креветки.

Ноэл набросил красный галстук ей на шею и улыбнулся. А не усмехнулся, как раньше.

– Спасибо.

– Спасибо *тебе*, – ответила она, выровняла концы галстука и опустила взгляд. – Он подходит к моему свитеру.

На Мэгс было огромное вязаное платье с каким-то ярким скандинавским орнаментом.

– К твоему свитеру все подходит, – согласился он. – Ты похожа на пасхальное яйцо, раскрашенное в рождественские цвета.

– Я в нем чувствую себя куклой из «Маппет-шоу», – пояснила Мэгс. – Одной из тех, пушистых.

– Мне нравится, – одобрил Ноэл. – Радует глаз.

Не понимая, подшучивает он над ней или нет, Мэгс предпочла сменить тему.

– А куда делся Пони?

– Он вон там, – Ноэл указал куда-то на другой конец комнаты. – Решил заранее подготовиться, чтобы якобы случайно оказаться возле Симини, когда стукнет полночь.

– И поцеловать ее?

– Именно, – подтвердил Ноэл. – В губы, если все пойдет по плану.

– Фу, как это пошло, – поморщилась Мэгс, играя концами галстука.

– Целоваться?

– Нет... в поцелуях ничего плохого нет.

Мэгс почувствовала, что краснеет. Хорошо, что у нее не такая бледная кожа, как у Ноэла; лицо и шея не пойдут красными пятнами.

– Пошло использовать Новый год как предлог, чтобы поцеловать кого-то, кто, возможно, не хочет с тобой целоваться. Использовать его как уловку.

– А вдруг Симини на самом деле *хочет* поцеловать Пони?

– А вдруг нет? Тогда обоим будет очень неловко, – возразила Мэгс. – Но она все равно его поцелует, потому что почувствует, что обязана сделать это.

– Он же не станет на нее сразу набрасываться, – сказал Ноэл. – Сначала установит зрительный контакт.

– Какой еще зрительный контакт?

Ноэл повернул голову и установил с Мэгс зрительный контакт: брови с надеждой приподнялись; глаза наполнились нежностью. Теперь на лице Ноэла отчетливо читалось: «Слушай, можно я тебя поцелую?»

– Ого, – присвистнула Мэгс. – А что, очень даже неплохо.

На лице Ноэла тут же появилось совсем другое выражение, что-то вроде: «Ну еще бы».

– Конечно, неплохо. Я ведь уже целовался.

– *Правда?* – поразила Мэгс. Она знала, что Ноэл общается с девушками, но никогда не слышала, чтобы у него была подруга. А ведь она бы *точно* об этом узнала, как и любой из четырех-пяти лучших друзей Ноэла.

– Пф-ф-ф, – фыркнул он. – С тремя девушками. В восьми разных ситуациях. Так что, пожалуй, я умею устанавливать зрительный контакт.

К шестнадцати годам достижения Мэгс на этом фронте были куда скромнее.

Она снова мельком взглянула на Пони. Он стоял возле телевизора, уткнувшись в телефон. Неподалеку, всего в нескольких шагах, Симини болтала с подругами.

– И все-таки это нечестно.

– Почему нечестно? – спросил Ноэл, проследив за ее взглядом. – Они оба сейчас ни с кем не встречаются.

– Не в этом смысле нечестно, – сказала Мэгс. – Дело в том, что... он торопит события. Если тебе кто-то нравится, то нужно приложить усилия. Узнать человека получше. *Заработать* этот поцелуй.

– Пони и Симини друг друга уже знают.

– Да, – согласилась Мэгс, – и при этом ни разу даже на свидание не ходили. Симини вообще когда-нибудь *показывала*, что он ее интересует?

– Иногда человека нужно подтолкнуть, – не согласился Ноэл. – Вот посмотри на Пони.

Мэгс посмотрела. Одет в черные джинсы и футболку, на голове – еще не отросший ирокез. В средней школе он всегда ходил с конским хвостом, поэтому все до сих пор называли его Пони. Чаще всего он был громким и смешливым, а порой громким и несносным. И постоянно рисовал что-то шариковой ручкой у себя на руке.

– Этот парень понятия не имеет, как сказать девушке, что она ему нравится, – сказал Ноэл. – Ни малейшего... А теперь посмотри на Симини.

Мэгс взглянула на нее. Симини была маленькой, нежной и такой застенчивой, что, похоже, и не собиралась вылезать из своей скорлупы. Был только один способ поговорить с Симини – забраться в ее скорлупу вместе с ней.

– Далеко не все такие общительные, как мы с тобой, – вздохнул Ноэл и наклонился ближе к Мэгс, указывая на Пони и Симини. – Не все знают, как попытаться добиться того, чего хочешь. Возможно, эта полночь – именно то, что нужно этим двоим, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Разве ты хочешь лишить их этого?

Мэгс повернулась к Ноэлу. Его лицо возле ее плеча. Аромат теплого тела. И еще какого-то недорогого дезодоранта.

– Ты слишком все драматизируешь, – сказала она.

– Когда решается вопрос жизни или смерти, это выходит само собой.

– Как во время танцев на кофейном столике?

– Нет, как тогда с клубникой, – произнес Ноэл, а потом высунул язык и попытался продолжить, – Ну фто, опух?

Мэгс старалась рассмотреть язык Ноэла, как вдруг музыка оборвалась.

– Почти полночь! – закричала Алисия, стоя возле телевизора. На Таймс-сквер начался обратный отсчет. Мэгс увидела, как Пони поднял взгляд от телефона и осторожно двинулся к Симини.

– *Девять!* – взорвалась комната криком.

– *Восемь!*

– Все нормально с твоим языком, – сказала Мэгс, поворачиваясь к Ноэлу.

Он убрал язык обратно в рот и улыбнулся.

Мэгс подняла брови, почти неосознанно.

С годовщиной Ноэл!

Его взгляд стал нежным. По крайней мере, ей так показалось.

– С годовщиной, Мэгс!

– *Четыре!*

Тут вдруг подбежала Натали, плюхнулась на пол рядом с Ноэлом и схватила его за руку.

Натали дружила с ними обоими, но не сказать, что близко. У нее были карамельно-каштановые волосы, и она всегда носила фланелевые рубашки, расстегнутые на груди.

– С Новым годом! – крикнула она.

– Еще рано, – отозвалась Мэгс.

– *Один!* – закричали все остальные.

– С Новым годом! – сказал Ноэл Натали.

Тогда Натали потянулась к нему, он склонился к ней и поцеловал.

31 декабря 2013, почти полночь

Ноэл, стоя на подлокотнике дивана, протягивал руки к Мэгс.

Но она покачала головой и прошла мимо.

– Давай! – крикнул он, стараясь перекричать музыку.

Мэгс покачала головой и закатила глаза.

– Это наш последний шанс станцевать вместе! Скоро школьной жизни конец!

– У нас еще несколько месяцев в запасе. Успеем потанцевать. – Мэгс остановилась у стола и взяла маленькое пирожное.

Ноэл спустился на диван, наступил на кофейный столик, потом вытянул длинную ногу и перебрался на широкое кресло рядом с Мэгс.

– Сейчас играет наша песня, – сказал он.

– Сейчас играет «Крошка, вернись», – отозвалась она.

Ноэл ухмыльнулся.

– Вот именно поэтому я с тобой и не танцую, – заметила Мэгс.

– Ты и так никогда со мной не танцуешь.

– Зато я делаю с тобой все остальное, – пробурчала Мэгс. Это была правда. Она училась с Ноэлом. Обедала с Ноэлом. Заходила за ним по дороге в школу. – Я даже в парикмахерскую тебя вожу.

Он провел рукой по голове. Густые каштановые волосы спадали на воротник.

– Мэгс, когда тебя нет, меня стригут слишком коротко.

– Я не жалуюсь, – вздохнула она. – Просто этот раунд я пропущу.

– Что ты ешь? – спросил Ноэл.

Мэгс посмотрела на поднос.

– Какое-то фруктовое пирожное.

– Мне его можно?

Она сунула еще одно себе в рот и прислушалась к ощущениям. Ни следа лесных орехов, клубники, киви или моллюсков.

– Думаю, да, – наконец сказала она, протягивая пирожное Ноэлу. Он наклонился и съел его у нее из рук. Стоя на широком кресле, он возвышался над ней метра на два. В своем нелепом белом костюме-тройке. Где он вообще откопал белый костюм-тройку?

– Вкусно. Спасибо.

Ноэл потянулся за ее колой, и Мэгс позволила ему сделать глоток. Как вдруг он резко отдернул стакан от губ и по-петушиному вскинул голову.

– Маргарет! Наша песня играет.

Мэгс прислушалась.

– Та самая?

– Потанцуй со мной. Сегодня наша годовщина.

– Не люблю танцевать в толпе.

– Да брось, что может быть лучше? Танцы – это же способ общения!

– Для тебя, – отозвалась Мэгс, толкая его в бедро. Ноэл качнулся, но не упал. – Мы с тобой разные люди.

– Я знаю, – сказал Ноэл, вздыхая. – *Ты* можешь есть лесные орехи. Съешь за меня одно из этих шоколадных пирожных, а я посмотрю.

Мэгс окинула взглядом стол и указала на тарелку пирожных с орехом пекан.

– Вот эти?

– Ну да.

Мэгс взяла одно из них и откусила, стряхивая крошки, которые посыпались на ее платье в цветочек.

– Вкусно?

– Очень. Такое плотное. Влажное.

Она откусила еще.

– Так нечестно, – сказал Ноэл, еще сильнее перегибаясь через спинку кресла, – дай посмотреть.

Мэгс открыла рот и высунула язык.

– Нечестно, – повторил он. – Так аппетитно выглядит.

Она закрыла рот и кивнула.

– Доедай свое вкусное пирожное и потанцуй со мной.

– С тобой кто только не танцует, – ответила Мэгс. – Отстань.

Она взяла еще по одному пирожному с фруктами и орехами и отвернулась от Ноэла.

В подвале у Алисии сидеть было особо негде, поэтому Мэгс часто оказывалась на полу. (Возможно, по той же причине Ноэл часто оказывался на кофейном столике.) Пони занял пуфик в углу, а Симини устроилась у него на коленях. Она улыбнулась Мэгс, и та помахала ей в ответ.

В баре совсем не было выпивки. Родители Алисии прятали все каждый раз, когда дочь устраивала вечеринку. Барные табуреты тоже куда-то подевались, так что Мэгс попросила кого-то посадить ее и уселась прямо на стойку.

Мэгс смотрела, как Ноэл танцует. С Натали. А потом с Алисией и Коннором. А потом сам по себе, подняв руки над головой.

Мэгс смотрела, как все танцуют.

В этом подвале всегда проходили их вечеринки. После футбола и танцев. Два года назад Мэгс не знала почти никого в этой комнате, разве что Алисию. А теперь тут были только ее лучшие друзья, приятели и те, кого она знала достаточно хорошо, чтобы держаться от них подальше...

И еще Ноэл.

Мэгс доедала пирожное с орехами, глядя, как Ноэл прыгает вокруг.

Она считала Ноэла своим самым близким другом, пусть даже он так и не считал. Ноэл был *ее* человеком.

Первым, с кем Мэгс говорила утром, и последним, кому она писала вечером. Не специально, не следуя какой-то системе... Просто так повелось. Казалось, если не рассказать Ноэлу о чем-то, то этого как будто и вовсе не было.

Они дружили с тех пор, как во втором семестре десятого класса вместе оказались в классе журналистики. (Вот *в этот день* им и стоило праздновать годовщину дружбы, а не в Новый год.) И вместе записались в кружок по фотографии и на занятия теннисом.

Они были так дружны, что в прошлом году Мэгс пошла с Ноэлом на выпускной, несмотря на то что у него уже была подруга.

– Конечно же, ты пойдешь с нами, – сказал Ноэл.

– А Эми нормально к этому относится?

– Эми знает, что мы всегда в комплекте. Я бы ей, наверное, и не понравился, если бы я не был вместе с тобой.

(После выпускного у Ноэла и Эми больше не было ни одного свидания. Они не встречались достаточно долго, чтобы считать это разрывом.)

Мэгс подумывала, не взять ли еще пирожное, как вдруг кто-то выключил музыку, а кто-то другой включил гирлянды. Алисия пробежала вдоль бара, крича:

– Уже почти полночь!

– *Десять!* – через несколько секунд крикнул Пони.

Мэгс огляделась в поисках Ноэла, и увидела, что он опять стоит на диване. Он смотрел на нее. Он шагнул к ней, наступив на кофейный столик, и улыбнулся, по-волчьи. Улыбка Ноэла всегда была похожа на волчий оскал: слишком много зубов. Мэгс глубоко вдохнула, на выдохе губы чуть задрожали. (Ноэл был *ее* человеком.)

– *Восемь!* – крикнули все хором.

Ноэл поманил Мэгс рукой.

Она подняла брови.

Он снова помахал ей, всем видом показывая: «Давай, Мэгс!»

– *Четыре!*

Потом Фрэнки залезла на кофейный столик к Ноэлу и обняла его за плечи.

– *Три!*

Ноэл повернулся к Фрэнки и улыбнулся.

– *Два!*

Фрэнки широко распахнула глаза.

– *Один!*

Фрэнки потянулась к Ноэлу. Ноэл наклонился к Фрэнки.

И они поцеловались.

31 декабря 2014, около девяти часов вечера

На этих зимних каникулах Мэгс еще не видела Ноэла. На Рождество он с семьей уехал в Дисней-ворлд.

«*Тут +25, – написал он ей, – и я уже 72 часа подряд хожу с ушами Микки Мауса.*»

Мэгс не виделась с Ноэлом с августа, с тех пор как однажды ранним утром пришла к нему домой, чтобы попрощаться, пока отец не увез его в Нотр-Дам.

Ноэл не приехал на День благодарения, билеты на самолет стоили слишком дорого.

Она видела фотографии разных людей, которые он выкладывал в интернет. (Соседи по общежитию. Друзья на вечеринках. Девушки.) И они с Ноэлом переписывались. Часто. Но Мэгс не видела его с августа, не слышала его с тех пор.

Честно говоря, она не могла вспомнить его голос. Она даже не могла вспомнить, чтобы раньше вообще думала о его голосе. Был ли он низкий и громкий? Или высокий и спокойный? Мэгс не могла вспомнить, как звучал Ноэл или как он выглядел, когда не двигался. Она могла только видеть его лицо на десятках фотографий, которые все еще хранились в ее телефоне.

– *Ты же придешь к Алисии, да?* – написал он ей вчера из аэропорта, по дороге домой.

– *Куда же я денусь?* – ответила Мэгс.

– *Круто.*

Мэгс приехала к Алисии пораньше и помогла ей прибраться в подвале, а ее маме – остудить шоколадные пирожные. Алисия вернулась домой из колледжа в Южной Дакоте; теперь у нее на спине красовалась татуировка в виде лугового жаворонка.

Мэгс не делала себе татуировок. Она вообще не изменилась. Осталась в Омахе, получила стипендию в местном колледже по специальности «промышленный дизайн». Бесплатное обучение. Глупо было бы уезжать.

«Что же надеть на вечеринку?» – думала Мэгс.

Сначала она примерила платье, которое всегда нравилось Ноэлу, – серое, с темно-красными пионами. Но ей не хотелось, чтобы он решил, будто у нее не появилось ни одной оригинальной идеи с тех пор, как они виделись в последний раз.

И она переделалась в новое кружевное платье-тунику кремового цвета, для которого у нее были припасены розово-золотые колготки с замысловатым узором.

Она стояла дома перед зеркалом и придирчиво рассматривала себя. Свои темно-каштановые волосы. Густые брови и грубый подбородок. Мэгс попыталась взглянуть на себя глазами Ноэла, который не видел ее с августа. А после этого – сделать вид, что ей все равно.

Потом она вышла.

На полпути к машине Мэгс развернулась, побежала обратно в комнату и надела сережки, которые Ноэл подарил ей в прошлом году на восемнадцатилетие. Крылья ангела.

На вечеринку стали подтягиваться гости. Примерно через час Алисия спросила Мэгс:

– А Ноэл придет?

– *Откуда мне знать?* – хотела ответить она. Но она знала.

– Да, придет. Обязательно.

Когда приехал Ноэл, Мэгс разговаривала с Пони. Пони учился в Айове на инженера. Он отрастил волосы, снова собрал их в конский хвост, и теперь Симини дергала его просто потому, что ей это нравилось. Она училась в Юте, но теперь, наверное, переедет в Айову. Или Пони переберется в Юту. Или они будут встречаться где-то посередине.

– А что там посередине? – спросил Пони. – Небраска? Фигово... Дорогая, может, нам вернуться домой?

Когда Ноэл вошел, Мэгс сразу это почувствовала. Он открыл заднюю дверь, и потянуло холодом.

Она посмотрела через плечо Пони и увидела Ноэла. А тот увидел ее и рванул к ней через весь подвал, по двухместному креслу и кофейному столику, по дивану, мимо Пони с Симини. Подбежал, обхватил ее руками и закружил.

– Мэгс! – воскликнул Ноэл.

– *Ноэл*, – прошептала Мэгс.

Потом он обнял Пони с Симини. И Фрэнки с Алисией, и Коннора. И всех остальных. Ноэл любил обниматься.

А затем вернулся к Мэгс и буквально пригвоздил ее к стене, прижимая и обнимая ее.

– О боже, Мэгс, – сказал он. – Никогда не уходи от меня.

– Я от тебя и не уходила, – отозвалась Мэгс, дыша ему в грудь. – Даже не думала.

– Не позволяй мне уходить от тебя, – сказал Ноэл ей в макушку.

– Когда ты возвращаешься в Нотр-Дам? – спросила Мэгс.

– В воскресенье.

На нем были брюки винного цвета из ткани мягче, чем джинсы, но грубее вельвета, синяя футболка в голубую полоску и серая куртка с поднятым воротом.

И он был бледным – как всегда.

Глаза все такие же большие и голубые.

А вот волосы коротко пострижены: на висках и сзади все выбрито. Теперь длинные каштановые кудри спадают только на лоб. Мэгс провела рукой по его затылку. Казалось, что чего-то не хватает.

– Надо было взять тебя с собой, Маргарет, – сказал он. – Девушка, которая напала на меня в парикмахерской, не смогла вовремя остановиться.

– Нет, – покачала головой Мэгс, глядя Ноэла по голове. – Отлично выглядит. Тебе идет.

* * *

Ничего не изменилось, и все поменялось.

Те же люди. Та же музыка. Те же диваны.

Но они отделились за четыре месяца. Но они все повзрослели за эти четыре месяца и очень изменились, каждый по-своему.

Фрэнки принесла пиво и спрятала его под диваном, а Натали приехала уже пьяной. Коннор привел нового приятеля из колледжа; тот всех бесил, и Алисия упорно пыталась отвести Коннора в сторону, чтобы все ему высказать. Казалось, людей в подвале стало больше, чем обычно, а танцев, наоборот, меньше...

Вернее, их было столько же, сколько на обычной, чужой вечеринке. Но *их* вечеринки всегда были *другими*. Раньше в этом подвале собирались двадцать пять человек, которые знали друг друга настолько хорошо, что им не нужно было сдерживаться.

Сегодня Ноэл не танцевал. Он общался с Пони, Симини и Фрэнки, при этом торчал рядом с Мэгс, будто приклеенный.

Она была так рада, что они с Ноэлом не переставали переписываться, что она все еще знала, о чем он думает, когда просыпается. У остальных общие шутки были полугодовой давности, но Ноэл и Мэгс не упустили ни мгновения из жизни друг друга.

Ноэл взял пиво, которое протянула ему Фрэнки. Но Мэгс закатила глаза, и он отдал бутылку Пони.

– Тебе не странно жить в Омахе? – спросила ее Симини. – Теперь, когда все разъехались?

– Это все равно что ходить по супермаркету после закрытия, – сказала Мэгс. – Я так скучаю по вам, ребята.

Ноэл вздрогнул.

– Эй, – окликнул он Мэгс, потянув ее за рукав.

– Что?

– Идем-идем. Пошли со мной.

Он тянул ее подальше от их общих друзей, из подвала, вверх по лестнице. Когда они добрались до первого этажа, Ноэл сказал:

– Слишком далеко, музыки не слышно.

– Что?

Они спустились немного ниже и остановились посередине лестницы. Ноэл поменялся с ней местами, чтобы она оказалась на ступеньку выше.

– Потанцуй со мной, Мэгс. Играет наша песня.

Она наклонила голову.

- «Тысяча лет»?
- Это и правда наша песня, – сказал он. – Потанцуй со мной.
- Почему наша?
- Она играла, когда мы встретились, – пояснил Ноэл.
- Когда?
- Когда мы познакомились, – сказал он, крутя рукой, будто бы потирая ее.
- Когда мы познакомились *здесь*?
- Да. Когда мы познакомились. Тут, внизу. В десятом классе. И ты спасла мне жизнь.
- Я ни разу не спасала тебе жизнь, Ноэл.
- Почему ты всегда портишь эту историю?
- И ты помнишь песню, которая играла, когда мы познакомились?
- Я всегда запоминаю песню, которая играет.
- Это была правда. Но Мэгс не нашла ничего лучше, чем спросить:
- И что?

Ноэл застонал.

- Я не люблю танцевать, – объяснила она.
- Ты не любишь танцевать *на публике*, – напомнил он.
- Так и есть.
- Подожди минутку.

Ноэл вздохнул и рванул вниз по лестнице.

- Не уходи никуда, – крикнул он ей на бегу.
- Я никогда никуда не ухожу! – крикнула она в ответ.

Мэгс услышала, как песня заиграла сначала.

Потом Ноэл бегом вернулся, снова встал на ступеньку ниже и потянулся к ней.

– Прошу тебя.

Мэгс вздохнула и подняла руки. Она толком не знала, что с ними нужно делать... Ноэл взял одну ее ладонь в свою, другую положил себе на плечо, а потом обнял ее за талию.

- О, господи, – вздохнул Ноэл. – Ну вот. Что тут трудного?
- Не знаю, почему для тебя так важно станцевать со мной, – сказала она.
- А я не знаю, почему для тебя так важно не танцевать со мной, – отозвался он.
- Сейчас Мэгс казалась чуть выше Ноэла. Они покачивались в такт музыке.

Мама Алисии появилась на лестнице.

– Привет, Мэгс. Привет, Ноэл, как Нотр-Дам?

Ноэл притянул Мэгс ближе, чтобы дать миссис Портер протиснуться.

- Хорошо, – ответил он.
- Вы там будто уснули в игре против Мичигана.
- Вообще-то я не в футбольной команде.
- Это не оправдание, – сказала мама Алисии.

Ноэл не ослабил хватку после того, как ушла миссис Портер. Теперь он полностью обхватил рукой талию Мэгс, крепко прижал девушку к себе.

За годы дружбы они часто трогали друг друга. Ноэл любил прикосновения, объятия. Ему нравилось щекотать, дергать за волосы. Усаживать людей себе на колени. И, похоже, он целовал любую, кто подавал ему знак бровями на Новый год...

Но Ноэл никогда так не прижимался к Мэгс.

Мэгс никогда не чувствовала бедром пряжку его пояса. Никогда не ощущала вкус его дыхания.

Миссис Портер снова показалась на лестнице, и Ноэл притянул Мэгс еще сильнее.

Снова зазвучала «Тысяча лет».

- Ты попросил включить ее еще раз? – спросила Мэгс.

- Я поставил на повтор, – ответил Ноэл. – Они остановят, когда заметят.
- Она была саундтреком к «Сумеркам»?
- Мэгс, потанцуй со мной.
- Я танцую.
- Знаю. Не останавливайся.
- Ладно.

До этого она держалась напряженно, чтобы не упасть, даже если Ноэл ее отпустит. Но теперь перестала. Мэгс расслабилась в объятиях Ноэла, позволила себе скользнуть рукой по его плечу. Она снова коснулась волос на его затылке – потому что ей захотелось, потому что их там все еще не было.

- Тебе не нравится, – предположил Ноэл.
 - Нет, нравится. Просто стало по-другому.
 - Ты стала другой.
- На лице Мэгс отразилось: «Ты с ума сошел».
- Правда, – подтвердил Ноэл.
 - Я осталась такой, как раньше, – возразила она. – Я единственная, кто не изменился.
 - Ты изменилась сильнее всех.
 - Как?

– Я не знаю, – ответил он. – Будто бы мы уехали, а ты нас отпустила – и отдалилась от всех.

- Ерунда. Я говорила с тобой каждый день.
- Этого мало. Вот, скажем, платья такого я на тебе еще не видел.
- Не нравится мое платье?
- Нет, нравится. – Ноэл помотал головой. Мэгс не привыкла видеть его таким. Вздвинутым.

– Оно красивое. Но оно другое. И ты другая. Я чувствую, будто не могу подобраться к тебе так близко, как хочу.

Он прижался лбом к ее лбу. Мэгс отстранилась.

– Мы сейчас довольно близко, Ноэл.

Он вздохнул разочарованно, и его дыхание заполнило ее нос и рот.

– Почему у тебя нет парня?

Мэгс нахмурилась.

– Может, он у меня есть.

Ноэл потрясенно отстранился.

– Разве ты не рассказала бы мне об этом сразу?

– Конечно, Ноэл, я бы рассказала. Обязательно. Я просто не понимаю, что ты хочешь от меня сейчас услышать. Я не знаю, почему у меня нет парня.

– Все станет еще хуже. Ты будешь меняться и дальше.

– Ну, ты тоже, – отозвалась Мэгс.

– Я никогда не меняюсь.

Мэгс рассмеялась.

– Ты человек-калейдоскоп. Меняешься постоянно, стоит только отвернуться.

– И тебя это не раздражает?

Мэгс помотала головой, потершись носом о его нос.

– Я это обожаю.

Они перестали покачиваться.

– Мы все еще танцуем? – спросила Мэгс.

– Все еще танцуем. Не пытайся ничего выдумать, Маргарет. – Ноэл отпустил ее ладонь и обхватил за талию двумя руками. – Не уходи никуда.

– Я даже не думала, – прошептала Мэгс.

Он покачал головой, будто не верил ни единому слову.

– Ты моя *лучшая* подруга.

– У тебя полно лучших подруг.

– Нет, – сказал Ноэл. – Только ты.

Мэгс обняла за его шею двумя руками и уперлась лбом в его лоб. От него пахло кожей.

– Я не могу подобраться к тебе так близко, как хочу, – сказал Ноэл.

* * *

Кто-то понял, что песня стоит на повторе, и переключил на другую.

Еще кто-то понял, что Мэгс и Ноэл пропали. Натали отправилась на поиски.

– Ноэл! Пойдем, потанцуешь со мной! Играет наша песня!

Это была песня Ke\$h'и¹.

Ноэл отстранился от Мэгс и смущенно улыбнулся. Мол, тут, на лестнице, я нес всякую ерунду, но ты ведь простишь меня, правда? Да и внизу вечеринка в самом разгаре, они оба должны быть там, верно?

Ноэл пошел вниз, и Мэгс последовала за ним.

Пока их не было, атмосфера изменилась. Все скинули обувь, а заодно как будто и пару лет, и теперь все прыгали на диванах, распевая те же песни, что и прежде.

Ноэл снял куртку и бросил ее Мэгс. Она поймала, потому что у нее были ловкие руки.

Ноэл выглядел отлично.

Длинный и бледный. В темно-красных джинсах, которые, кроме него, никто не отважился бы надеть. В футболке, которая в прошлом году висела бы на нем мешком.

Он выглядел так хорошо.

И она так его любила.

И Мэгс не могла позволить себе пройти через это снова.

Она не смогла бы опять стоять в другом углу комнаты и смотреть, как Ноэл целует другую. Нет, сегодня Мэгс не будет свидетелем поцелуя, которого она добивалась всеми силами. С самой первой их встречи.

* * *

Итак, за несколько минут до полуночи Мэгс прихватила горсть крекеров и сделала вид, что идет в прихожую. Может, собралась в туалет. Или решила проверить фильтр обогревателя.

Потом она выскользнула через заднюю дверь. Никто и не подумает искать ее на улице в такой снег.

Снаружи было холодно, и Мэгс надела куртку Ноэла, которую все еще сжимала в руках. Облокотившись на стену дома, она ела крекеры – миссис Портер готовила лучшие крекеры в мире – и слушала музыку.

Потом музыка прекратилась, и начался обратный отсчет.

Как же здорово, что Мэгс выбралась оттуда. Остаться там сейчас было бы слишком больно. Боль всегда была нестерпимой, но в этом году она могла убить ее.

– *Семь!*

– *Шесть!*

– Мэгс? – окликнул ее кто-то.

¹ Кеша Роуз Себерт – американская певица и автор песен. – Здесь и далее прим. переводчика.

Это был Ноэл. Она узнала его голос.

– Маргарет?

– *Четыре!*

– Я тут, – отозвалась Мэгс и повторила чуть громче: – Тут!

Она ведь все же была лучшей подругой Ноэла. Избегать его – это одно, а прятаться от него – совсем другое.

– *Два!*

– Мэгс...

Тут она, наконец, увидела Ноэла в лучах лунного света, прорывавшегося через пере-
кладины навеса над ней. Его глаза наполнились нежностью, и он вскинул брови.

– *Один!*

Мэгс кивнула и оторвала плечи от стены, но Ноэл толкнул ее обратно, обнимая, окру-
жая, вдавливая в камни.

И страстно поцеловал.

Мэгс обхватила его голову двумя руками, прижимаясь лицом к лицу, шеей к шее,
губами к губам.

Ноэл крепко держал ее за плечи.

* * *

Через несколько минут – а может, и больше – они оба убедились, что никто из них
не уйдет.

И расслабились.

Мэгс гладила кудри Ноэла, убирая их с его лица. Ноэл прижимал девушку к стене всем
телом, от бедер до плеч, и целовал ее в такт песне, доносившейся из дома.

Когда Ноэл отстранился, Мэгс собиралась сказать ему: «Я люблю тебя». Когда он
отстранился, она собиралась сказать ему: «Не отпускай меня».

– Не надо, – произнесла она, когда Ноэл, наконец, поднял голову.

– Мэгс, – прошептал он, – у меня губы немеют.

– Тогда не целуй меня, – отозвалась она. – Но не уходи.

– Нет... – Ноэл оттолкнулся от нее, и его место тут же занял пронизывающий холод, –
У меня губы немеют. Ты ела клубнику?

– О, боже, – охнула Мэгс. – Крекеры.

– Крекеры?

– Там был арахис. Может, и другие орехи.

– А, – только и сказал Ноэл, но Мэгс уже тащила его прочь от стены.

– У тебя с собой что-нибудь есть?

– Бенадрил, в машине. Но от него меня клонит в сон. Думаю, я и так справлюсь.

– Где ключи?

– В кармане, – ответил Ноэл, указывая на свою куртку. Его язык казался распухшим.

Найдя ключи, Мэгс снова потянула его за собой. Машина стояла у дороги, бенадрил
лежал в бардачке. Мэгс проследила за тем, как Ноэл принял лекарство, потом сложила руки
на груди и стала ждать, что будет дальше.

– Ты можешь дышать? – спросила она.

– Могу.

– Что обычно бывает дальше?

Он усмехнулся.

– Раньше со мной такого не бывало.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Во рту щиплет. Язык и губы опухают. Появляется сыпь. Хочешь проверить? Волчий оскал.

– А потом?

– Потом ничего. Потом я принимаю бенадрил.

– Давай проверю, не появилась ли сыпь.

Он снова улыбнулся и вытянул руки. Мэгс осмотрела их, потом задрала на нем полосатую футболку... Бледная кожа, покрытая мурашками. А на груди веснушки, о существовании которых она раньше не знала.

– Похоже, сыпи нет.

– Я уже чувствую действие бенадрила.

Он опустил руки и обнял ее.

– Не целуй меня больше, – одернула его Мэгс.

– Пока что, – поправил ее Ноэл. – Я не буду целовать тебя *пока что*.

Она прижалась виском к его подбородку и закрыла глаза.

– Я знал, что ты спасешь мне жизнь.

– Мне бы не пришлось этого делать, если бы я сама тебя чуть не убила.

– Не нужно приписывать всю славу себе. Это лесные орехи пытаются меня убить.

Мэгс кивнула. Несколько минут они оба молчали.

– Ноэл?

– Да?

Она должна была задать ему вопрос, она должна была заставить себя сделать это:

– Ты сейчас просто *драматизировал*?

– Мэгс, клянусь, я бы не стал симулировать приступ.

– Нет. Я про поцелуй.

– Он был не один...

– Я про все сразу. Ты просто... приукрашивал?

Мэгс приготовилась услышать какую-нибудь глупость.

– Нет, – ответил Ноэл. И тут же сам спросил: – А ты просто дразнила меня?

– Боже. Нет, – отозвалась Мэгс. – А что, тебе казалось, что я просто тебя дразню?

Ноэл помотал головой, потерялся подбородком о ее висок.

– Что мы с тобой делаем? – спросила Мэгс.

– Понятия не имею... – наконец ответил Ноэл. – Все меняется, но я... Я не могу тебя потерять. Не думаю, что найду еще такую, как ты.

– Я никуда не ухожу, Ноэл.

– Нет, уходишь, – сказал он, сжимая ее в объятиях. – И это не страшно. Просто...

Мне нужно, чтобы ты взяла меня с собой.

Мэгс не знала, что на это ответить.

Холодно. Ноэл дрожит. Надо вернуть ему куртку.

– Мэгс?

– Да?

– А что нужно тебе?

Мэгс судорожно сглотнула.

За три года дружбы с Ноэлом она столько раз притворялась, что ей ничего не нужно, кроме того, что он ей уже давал. Уговаривала себя, что хотеть чего-то и нуждаться в чем-то – это разные вещи...

– Мне нужно, чтобы ты был моим человеком, – призналась Мэгс. – Нужно видеть тебя. Слышать твой голос. Нужно, чтобы ты оставался жив. И чтобы перестал целовать других людей просто потому, что они оказались рядом с тобой во время обратного отсчета.

Ноэл рассмеялся.

– А еще – чтобы ты надо мной не смеялся, – добавила Мэгс.

Он снова наклонил голову и посмотрел на нее.

– Нет, это тебе не нужно.

Она поцеловала его в подбородок, не размыкая губ.

– Ты можешь получить все это, – произнес он осторожно. – Всего меня, без остатка.

Если хочешь.

– Я всегда тебя хотела, – ответила она, цепеная от того, насколько это было правдой.

Ноэл наклонился, чтобы поцеловать ее, а она прижала лоб к его губам.

Они молчали.

Было холодно.

– С годовщиной, Мэгс.

– С Новым годом, Ноэл.

Келли Линк Леди и Лис

В саду кто-то был.

– Даниэль, – сказала Миранда. – Там Санта-Клаус. Он заглядывает к нам в окно.

– Это невозможно, – ответил Даниэль, даже не посмотрев. – Мы уже получили подарки.

К тому же Санты не существует.

Они сидели под рождественской елью в доме Ханивеллов. Им было по одиннадцать лет. Под елкой как раз хватало места, чтобы сидеть, поджав ноги. Даниэль запускал поезд вокруг дерева – то вперед, то назад. Миранда разглядывала свой лучший подарок: ножницы с позолоченными ручками в виде журавля и лезвиями в форме клюва. Щелк, щелк – срезала она одну за другой хрупкие иголки с ветки над головой. Запах хвои. Дождь из маленьких зеленых иголок. В саду, наверное, очень холодно. На окнах сверкает изморозь. Уже давно пора спать. Если это не Санта-Клаус, то, возможно, это вор, который пришел украсть чьи-нибудь драгоценности. Или убийца с топором.

Или, что куда более вероятно, один из сотен дядьев и двоюродных братьев Даниэля. Во-первых, потому, что у человека за окном не было бороды, а выражение лица казалось совсем не таким веселым, как у Санта-Клауса. Да и глаза, хотя их было не очень хорошо видно из-за темноты и изморози, несомненно, принадлежали кому-то из Ханивеллов. В комнате было полно взрослых Ханивеллов, болтающих обо всем, о чем обычно разговаривают Ханивеллы. Обо всем подряд: о лошадях и домах, о Боге и строительстве, о студиях загара и, конечно, о театре. Всегда о театре. Ханивеллы любили поговорить. Когда у них заканчивались темы, они начинали играть. Весь мир – театр.

Ханивелла редко увидишь в одиночестве. Они всегда в связке, как бананы. Не шпионы-одиночки, а целые батальоны. И хотя Миранда обожала золотисто-рыжие волосы Ханивеллов, их преувеличенную, экспрессивную манеру одеваться, репертуар шуток и секретов, стихов и разной чепухи, иногда ей хотелось сбежать. Ведь Ханивеллы требовали, чтобы ты непременно участвовал. Они задавали вопросы до тех пор, пока у собеседника не пересыхало горло.

Даниэль был исключительно спокойным для Ханивелла. Он даже не всегда интересовался, здесь ты или нет.

Миранда выскользнула из-под ели, просочившись мимо длинноногих Ханивеллов в галстуках и вечерних платьях: прозрачно-оранжевая тафта; скользкий и липнувший атлас, канареечно-желтый и фиолетовый; шелк, белый, как пена, кое-где уже заляпанный вином.

Кто-то потрепал ее по голове и подмигнул. Кто-то в золотистых одеждах покровительственно добавил:

– Бедный ягненок.

– Бу, обманщики, – выпалила Миранда, отбиваясь. На ней было зеленое вельветовое платье в мелкий рубчик. Завышенная талия в стиле ампир. С защипами под мышками. Интерес Миранды к таким вещам был почти профессиональным. Ее мать Джоанни – последние полгода она сидела в тюрьме в Пхукете, и ей предстояло провести там еще долгие годы – была костюмером и подругой Эльспет Ханивелл.

Даниэль – сын Эльспет. А Миранда – ее крестница.

На кухне, опираясь на раковину, в которой один из новых котят Ханивеллов лакал из соусницы соус, томно целовались двое. За обеденным столом сидела девочка, всего на пару лет старше Миранды, и раскладывала засаленные и потрепанные карты Таро. Пустые винные бутылки стояли под наклоном, как пушки, а огромный мясницкий нож

торчал из развалин рождественского торта. От большой печи разливалось тепло, а внутри сушки в старой сковородке спали остальные котят.

Захватив мешок с мусором, набитый перепачканными помадой салфетками, одноразовыми бокалами для шампанского и жирными корками от пирогов, Миранда вышла из кухни. Как только дверь открылась, внутрь проскользнула кошка.

Шел снег. Большие липкие хлопья таяли у Миранды на волосах и щеках. Снег на Рождество. Конечно, в Пхукете такого не увидишь. Она подумала: чем угощают в тайской тюрьме на праздник? Мать всегда пекла на Рождество торт, а Миранда помогала раскатывать марципан.

Балетки заскользили по траве. Завязав пакет, она оставила его прямо у лестницы. В саду по-прежнему стоял мужчина и все так же смотрел в окно. Должно быть, он слышал ее шаги. Заиндевшая трава скрипела под ногами. Конечно, слышал, но не обернулся.

Даже со спины в нем определенно угадывался Ханивелл. Долговязый, светловолосый, абсолютно неподвижный. Настолько идеальный, что взгляду не за что зацепиться. Неестественно непринужденный. Холодный снег, который заставлял Миранду шмыгать носом и расписывать щеки красными пятнами, не таял, ложась на яркие ханивелловские волосы и на плечи удивительного пальто.

Типичный Ханивелл, подумала Миранда. Поссорился с подругой или обиделся на кого-то, и теперь собирается театрально замерзнуть. Ее мать прекрасно умела обращаться с Ханивеллом, разыгрывающим неуместную трагедию. Главное – твердость.

Вспомнив о матери, Миранда сама почувствовала что-то драматичное. Пытаясь прогнать нахлынувшие эмоции, она сосредоточилась на пальто, которое было на незнакомце. Казалось, оно украдено из театра – восемнадцатый век, изящный крой. Это было даже не пальто, а камзол из плотного розового шелка, расшитый белой нитью – маки и розы, а ниже на зеленом листе красовался жук-олень. Миранда подходила все ближе, не в силах остановиться; ей очень хотелось потрогать жука.

Ей казалось, что рука пройдет насквозь. (Разумеется, в Ханивелл-холле водились привидения.) Но этого не случилось. Пальто было настоящим. Миранда сжала ткань между пальцами и сказала:

– Что бы ни случилось, оно не стоит того, чтобы замерзать. Не стойте на улице, пойдете в дом.

Ханивелл в камзоле повернулся.

– Я стою именно там, где должен, – сказал он. – То есть здесь. И делаю в точности то, что должен. И у меня нет ни малейшего желания беседовать с маленькими девочками. Так что уходи.

Может, Миранда и в самом деле была маленькой девочкой, но уже довольно неплохо умела противостоять ханивелловским вспышкам ярости, знала, как реагировать на их эмоциональные всплески, бурные проявления радости и горя, милые странности или заскоки. На широком правом кармане камзола она заметила вышитого рыжими и золотыми нитками лиса, застрявшего передней лапой в капкане.

– Меня зовут Миранда, – сказала она. И, поскольку уже овладела некоторыми уловками Ханивеллов, добавила: – Моя мать в тюрьме.

На мгновение взгляд незнакомца стал почти сочувствующим, но он тут же пожал плечами. Разумеется, театрально. И сунул руки в карманы.

– А я тут при чем?

– У всех есть проблемы, только и всего, – ответила Миранда. – Я здесь, потому что Эльспет меня жалеет. А я это ненавижу. Так что вас я нисколько не жалею. Я даже не знаю, кто вы такой. Просто мне кажется, что не слишком умно стоять здесь и страдать из-за плохого

настроения. Но, возможно, вы не очень умны. Моя мать говорила, что красивые люди часто довольно бестолковы. Как вас зовут?

– Если я скажу, ты уйдешь? – спросил Ханивелл.

– Да, – сказала Миранда. Можно вернуться на кухню, поиграть с котятками. Или принести пользу и помыть посуду. Или попросить, чтобы ей погадали. Или снова забраться с Даниэлем под дерево и сидеть, пока не придет время ложиться спать. Завтра ее посадят в автобус и отправят домой. И скорее всего, до следующего года Эльспет забудет, что у нее есть крестница.

– Я – Фенни, – сказал Ханивелл. – Теперь иди. Мне есть чем заняться, чтобы не сделать того, чего я не должен делать.

– Хорошо, – ответила Миранда. Она похлопала по широким манжетам чудесного пальто Фенни, задумавшись, какая у камзола подкладка и не холодно ли в нем. Каким же нужно быть глупым, чтобы торчать снаружи, когда тебя приглашают в дом. – Счастливого Рождества. Доброй ночи.

Она еще раз коснулась вышитого лиса и его лапы, застрявшей в капкане. Стебельчатый шов, рассыпной стежок и вышивка «елочкой».

– Очень хорошая работа, – сказала она. – Надеюсь, лис освободится.

– Он был слишком глуп, потому и попался, странное надоедливое дитя, – ответил Фенни. И снова повернулся к окну. Что он видел там? Когда Миранда, наконец, вернулась в гостиную, где подвыпившие Ханивеллы вместо рождественских гимнов горлашили разухабистые песни, взрывали хлопушки и запускали бумажных журавликов, она вновь посмотрела в окно. Снег закончился. Снаружи никого не было.

* * *

На следующий год Эльспет Ханивелл, как обычно, вспомнила о Миранде. И через год, и через два. И под елкой Миранду всегда ждали подарки: то билет на лондонский мюзикл, который она еще не успела посмотреть, то, когда ей исполнилось тринадцать, набор косметики.

Когда Миранде стукнуло четырнадцать, Даниэль преподнес ей шахматы и несколько мотков шелковой пряжи. Под черные колготки она надела на лодыжку красный кожаный плетеный браслет, который пришел по почте из Пхукета (письма в конверте не было). Котятки выросли и перестали ее узнавать.

В двенадцать лет она искала загадочного Фенни, но его нигде не было. И когда Миранда спрашивала, никто не понимал, о ком она говорит.

Когда ей исполнилось тринадцать, она впервые попробовала шампанское.

Четырнадцатилетняя Миранда чувствовала себя уже достаточно взрослой. Теперь человек в камзоле казался ей сном или историей, которую она выдумала от скуки. В четырнадцать она уже выросла из сказок, Санта-Клауса и рассказов о привидениях. Когда Даниэль обратил ее внимание на то, что они стоят под омелой, она расцеловала его в щеки. А потом лизнула в ухо.

На ее пятнадцатое Рождество снова шел снег. Все знали, что будет снег, и он не заставил себя ждать. Разговоры о снегопаде напомнили Миранде о Фенни. О мужчине в заснеженном саду. Конечно, в саду никогда никого не было. Зато был Ханивелл-холл и бесконечные толпы взрослых Ханивеллов, ведущих себя так, будто они снова стали детьми.

Количество веселья, которое требовалось Ханивеллам, было по-олимпийски выматывающим. Миранда не могла решить, здорово это или ужасно.

Ближе к вечеру Ханивеллы затеяли играть в шарады. Но в чем радость играть с людьми, которые делают это почти профессионально? Миранда стояла у окна, глядела на падающий снег и что-то высматривала. Птиц. Лиса. Человека в саду.

Ханивеллы кричали:

– Господи, нет! Клеопатра появилась завернутая в ковер, а не в субботнее приложение к газете!

Даниэль наверху, у себя в комнате, разговаривал с отцом по скайпу.

Миранда бродила от окна к окну. И вдруг увидела в саду то, чего там быть не должно было. Точнее, того. И тут же выбежала из дома.

– Пойду гулять! – крикнула она, пока закрывалась дверь. Вдруг кому-нибудь есть до этого дело.

Фенни прохаживался по старой стене, постукивая тростью по каждому камню, на который собирался наступить.

– Ты, – сказал он. – Вот думал, увижу ли тебя еще раз.

– Меня зовут Миранда, – напомнила она. – Вы, наверное, забыли.

– Нет, – произнес он, – не забыл. Хочешь присоединиться? – Он протянул руку. Миранда медлила, и он сказал: – Как знаешь.

– Я и сама могу сюда залезть, – сказала она. Теперь она шла перед ним, спиной вперед, чтобы не терять из виду.

– Ты не Ханивелл, – произнес он.

– Нет, – ответила она. – А вот вы – да.

– Верно, – сказал он. – Вроде того.

Затем она остановилась, и ему тоже пришлось остановиться. Дальше идти было некуда. За спиной у Миранды начинался провал.

– Я помню, как построили эту стену, – сказал он.

Скорее всего, она не так расслышала. Или он просто ее поддразнивал. Она ответила:

– Должно быть, вам очень много лет.

– Значительно больше, чем тебе, – сказал он и сел на стену. Миранда села рядом. Перед ними раскинулся Ханивелл-холл и рощица деревьев позади. Снег лениво падал, легкий ветерок крутил и подбрасывал его.

– Почему вы всегда в этом пальто? – спросила Миранда. Она начинала замерзать и поежилась. – Вы не должны сидеть на грязной стене. Оно слишком красивое.

Она коснулась вышитых жука и лиса.

– Кое-кто... очень особенный... дал мне его, – ответил он. – Я ношу его, потому что *она* так хотела. – И то, как он это сказал, заставило Миранду вздрогнуть.

– Ясно, – сказала она. – Это как мой браслет. Мне его мама прислала. Она в тюрьме и никогда оттуда не выйдет. Останется там до самой смерти.

– Как лис, – добавил он.

– Как ваш лис, – согласилась Миранда. Она удивленно поняла, что ее глаза стали влажными. Она плачет? Это ведь даже не настоящий лис. Ей не хотелось, чтобы Фенни заметил ее слезы, поэтому она спрыгнула со стены и пошла обратно к дому.

Когда она была на полпути к Ханивелл-холлу, снег перестал. Она оглянулась: на стене никого не было.

Снег шел с перерывами весь день. Когда закончился обед и Ханивеллы разошлись по комнатам, постанывая и поглаживая животы, Эльспет подозвала Миранду.

Помахивая перед ней свертком, будто угощением для бездомного щенка, она сказала:

– Кто-то оставил это на крыльце для тебя. Интересно, кто?

Сверток был в обычной белой бумаге, перевязан зеленой ниткой. Сверху нацарапано ее имя. А внутри – клочок розового шелка с вышитым рычащим лисом, его покалеченной лапой и окровавленным капканом.

– Дай-ка взглянуть, милая, – сказала Эльспет и взяла у нее из рук обрывок такни. – Какой странный подарок! Чья-то шутка?

– Не знаю, – ответила Миранда. – Возможно.

Восемь часов вечера. Ханивелл-холл, должно быть, сиял на холме как фонарь. Миранда надела куртку и трижды обошла дом. Снег растаял. Даниэль перехватил ее, когда она совершала последний круг. Его нос сильно выделялся на покрытом прыщами лице. Миранда любила его так же нежно, как Эльспет. Они всегда были к ней добры.

– Держи, – сказал Даниэль, протягивая ей кусочек шелка. – Тайный подарок? Тайный обожатель? Тайный шифр?

– А, ты тоже в курсе, – ответила Миранда. – Длинная история. Храню на память.

– Они там сейчас притворяются, что на дворе семидесятые, а им всем снова по шестнадцать. Играют в «Сардины»² и пьют. Потом всю ночь будут оргии в шкафах, душераздирающие признания и покушения на убийство в кладовых, под лестницами, на кроватях и под ними. Поэтому я взял вот это и незаметно ушел. – Даниэль показал ей бутылку «Стронгбоу», которую спрятал в карман куртки. – Пойдем, посидим в машине. Расскажешь про школу и про твою ужасную тетку, а я – с кем из парламентских консерваторов тайно встречалась Эльспет. Сможешь потом продать эту историю в газету.

– А на вырученные деньги куплю нам квартиру без удобств в Вулвергемптоне. Вот тогда заживем, – подхватила Миранда.

Они пили сидр и жевали полурастаявший батончик «Марс». Они разговаривали, и Миранда гадала, попробует ли Даниэль ее поцеловать. И должна ли она сама попытаться его поцеловать. Но он не стал рисковать. Как, впрочем, и она. Оба так ни на что и не решились. Миранда заснула в нелепом «Санбим Тайгере» с попорченной мышами обивкой. Ее голова лежала на плече Даниэля, а в руке она сжимала пойманного лиса.

* * *

Год спустя об Эльспет писали во всех газетах. Парламентский консерватор подал на развод, а она начала встречалась с футболистом, который был на двадцать лет моложе. Прекрасная рождественская история. Журналисты были повсюду. Эльспет в широкополой черной шляпе, в черном комбинезоне и черных солнечных очках, на «Санбим Тайгере», забрала Миранду с вокзала. Победно униженная. В своей стихии.

Тетка Миранды едва не запретила ей ехать к ним в гости. Правда, тогда им обоим было бы очень грустно, так как у тетки как раз появился новый ухажер. Почти такой же страшный, как она сама. Вот о чем следовало писать газетам.

– Милое платье, – сказала Эльспет, целуя Миранду в щеку. – Сама сшила?

– Да, ничего так получилось.

– Хочу такое же, красное. Только вырез глубже и юбку покороче. Ты могла бы открыть свое дело. Не думала об этом?

– Мне всего шестнадцать, – сказала Миранда. – И еще многому нужно научиться.

– Александр Маккуин бросил школу как раз в шестнадцать, – ответила Эльспет. – Уехал учиться на Сэвил Роу³. Зашивал человеческие волосы в подкладку. Полагаю, для него в этом была какая-то магия. У меня есть одно из его платьев. Да и твоя мать вряд ли была намного

² Вариант игры в прятки.

³ Сэвил Роу – улица в Лондоне, где находятся лучшие в мире ателье по пошиву костюмов.

старше тебя сегодняшней, когда начала болтаться за кулисами. Она тогда все время расшивала тюль блестками и стразами.

– А где Даниэль? – спросила Миранда.

Все это время Миранда переписывалась с матерью. Правда, она пока не решалась рассказать тетке, что откладывает деньги на поездку в Таиланд следующим летом.

– Даниэль дома. У него хорошее настроение. Слушает мои старые пластинки *The Smiths*.

Миранда внимательно посмотрела на Эльспет.

– Та девушка... Она ведь с ним рассталась, да?

– Если ты имеешь в виду девушку с хорьками и некрасивыми лодыжками, – ответила Эльспет, – то да. Как там ее звали? Да, загадка... Я имею в виду не ее имя, а то, почему они расстались. Он вырос на три дюйма за два месяца, и лицо у него теперь чистое, честное слово. Он выглядит даже лучше, чем я ожидала. Золотое сердце, и голова на месте. Не понимаю, о чем думала та девица?

– Наверное, она торопилась бросить его, пока он не бросил ее, – предположила Миранда.

– Я бы не узнала о расставании, если бы случайно не подслушала их разговор. Ну, почти случайно, – продолжала Эльспет. – Это и еще *The Smiths*. Он не очень-то охотно рассказывает о своей личной жизни.

– А вы бы этого хотели?

– Нет, – сказала Эльспет. – Да. Может быть. Скорее нет. Ну, а как у тебя дела? Есть кто-то на примете?

– У меня нет даже хорьков, – ответила Миранда.

* * *

В сочельник, когда все Ханивеллы, их кузены, жены и бойфренды, подруги и личные бухгалтеры отправились в городок гулять, распевая гимны, Эльспет отвела Миранду и Даниэля в сторонку и вручила каждому по косяку с марихуаной.

– Не думай, Даниэль, будто я не знаю, что ты рылся в моих запасах, – сказала она. – И уж если вы собираетесь нарушить закон, то научитесь делать это ответственно. Под контролем взрослого.

Даниэль закатил глаза, потом взглянул на Миранду. Увидев выражение ее лица, он фыркнул. Как бы это ни раздражало, факт оставался фактом: Даниэль действительно стал настоящим красавцем. Что ж, это было неизбежно. Видимо, уродливых Ханивеллов топят при рождении.

– Все в порядке, Миранда, – сказал он. – Я выкурю твой, если ты не хочешь.

Миранда сунула косяк в лифчик.

– Спасибо, но я оставлю его себе.

– Уверена, вам еще многое нужно наверстать, – сказала Эльспет. – А я поеду в паб целоваться с барменшами и доводить журналюг до истерики.

Когда она вышла, Даниэль сказал:

– Она нас сейчас сватала, да?

Миранда отозвалась:

– Или наоборот.

Их глаза встретились. Держись, Миранда. Даниэль, улыбаясь, наклонил голову.

– Ну, тогда мне следует сделать вот так, – произнес он. Подался вперед, коснулся рукой подбородка Миранды и заставил ее посмотреть на него. – Нам обоим следует.

Он поцеловал ее. Его губы были мягкими и сухими. Миранда, интереса ради, попробовала засосать его нижнюю губу. Она обняла Даниэля за шею, а его руки спустились вниз и сжали ее ягодицы. Он приоткрыл рот и целовал ее до тех пор, пока она не ответила. Похоже, Даниэль знает, как это делается; он наверняка много упражнялся с хорьковой девушкой. Миранда задумалась, где в это время были хорьки – в клетке или нет? И каково это, когда они наблюдают за тобой своими глазами-бусинками?

Миранда почувствовала эрекцию Даниэля. О, господи! Как неудобно. Она оттолкнула его.

– Извини, – сказала она, застонав. – Извини! Да... То есть нет, думаю, нам не следовало этого делать...

– Скорее всего, – ответил Даниэль. – Скорее всего, определенно не следовало. Странно, да?

– Странно, – согласилась Миранда.

– Но, возможно, все было бы не так странно, если бы мы сперва выкурили по косяку, – сказал Даниэль. Его волосы были в полном беспорядке. Очевидно, это ее рук дело.

– Или, – ответила Миранда, – можно выкурить косячок *просто так*. И ничего не усложнять.

Примерно на середине самокрутки, Даниэль сказал:

– Это ничего бы не усложнило.

Его голова лежала у Миранды на коленях. Она наматывала его волосы на палец.

– Нет, усложнило бы, – произнесла Миранда. – Очень-очень усложнило бы. – И чуть позже добавила: – Хотелось бы, чтобы сейчас пошел снег. Снегопад – это было бы мило... Думаю, поэтому я и приезжаю сюда на Рождество. Ради этого белого праздника.

– Это ужасно, – ответил Даниэль. – Холодно. Скользко. И кажется, будто ты должен что-нибудь петь. Как в кино.

Или как в стеклянном снежном шаре.

– В ловушке, – сказала Миранда. – В кап кане.

– В ловушке, – повторил Даниэль.

Они лежали, обнявшись, на диване напротив елки. Время от времени Миранде приходилось убирать руку Даниэля оттуда, где ей не следовало находиться. Она не думала, что он делает это нарочно. Иногда она целовала его за ухом.

– Так хорошо, – сказал Даниэль. Он погладил ее ягодицы. Она вывернулась из-под его руки и снова поцеловала его. По телевизору шел фильм, в котором все время что-то взрывалось. С зомби и Кэмерон Диаз, в одиночку разгружающей покупки. Нет, это совершенно другой фильм, догадалась Миранда. Очевидно, она заснула. Даниэль спал. Почему он такой красивый, даже когда спит? Это бесит. Миранда боялась подумать, как она сама выглядит во сне. Неудивительно, что девчонка с хорьками бросила его.

Эльспет, должно быть, уже вернулась из паба, так как они оба были завалены горой пледов.

За окном шел снег.

Миранда сунула руку в карман и нащупала кусочек шелка. Она носила его с собой. Карман был достаточно большим, в него помещалось множество всяких мелочей. Миранда не хотела быть одним из тех дизайнеров, которые делают только красивые вещи. Она хотела, чтобы ее одежда была практичной. И вызывающей. Она взяла с дивана самое симпатичное одеяло, а остальными укрыла Даниэля.

Потом подошла к зеркалу, пригладила волосы и собрала их в хвост. Завернувшись в одеяло, как в шаль, вышла наружу.

Он стоял в снегу, под кустом боярышника. Ее била дрожь, и она заставляла себя поверить, что это от холода. Снега на земле было не так уж много. Значит, продолжала убеждать себя Миранда, проспала она недолго. И ему недолго пришлось ее ждать.

На нем был тот же камзол. Лицо было тем же. Сейчас он не казался ей таким взрослым, как в первый раз. Казалось, он всего на несколько лет старше, чем они с Даниэлем. Он ни чуточки не постарел. А вот она – да. Где он пропадает, когда его здесь нет?

– Ты привидение? – спросила Миранда.

– Нет, – ответил он. – Не привидение.

– Тогда ты живой человек? Ханивелл?

– Фенвик Септимус Ханивелл, – поклонился он. Выглядело это не так странно, как могло бы, хотя в наше время почти никто так уже не делает. Ни у кого из них не было таких имен. Сколько же ему лет?

– Ты приходишь, только когда идет снег, – сказала Миранда.

– Мне позволено появляться только во время снегопада, – ответил он. – И только на Рождество.

– Понятно, – произнесла она. – Ясно. Нет, нет, ничего не ясно. Позволено кем?

Он пожал плечами. Не ответил. Может быть, говорить об этом ему тоже нельзя.

– Ты кое-что мне подарил, – сказала Миранда.

Он кивнул опять. Она протянула руку и коснулась места, где он оторвал от камзола лиса, чтобы отдать ей.

– Ох, – вздохнула Миранда. – Бедный. Ты даже ножницы не взял, да? Давай я починю.

Она вытащила из кармана кусок шелка и свой швейный набор, который уже больше года всегда был при ней. Нитки идеально подобраны по цвету. Просто на всякий случай.

Она показала ему шелк. Несколько месяцев назад она распустила лапу лисы и капкан. Капли крови. Хвост и оскаленную морду. И переделала их по своему замыслу, подражая, настолько возможно, духу оригинала. Теперь лис был свободен: с высоко поднятым хвостом и высунутым языком он бежал по розовому шелковому полю. С изнанки Миранда пришила кусок розового хлопка, который вырезала из старой ночной рубашки.

Он взял обрывок у нее из рук, перевернул:

– Это ты сделала?

– Ты оставил мне подарок на прошлое Рождество. А это – мой подарок тебе, – сказала Миранда. – Я пришью его на место. Выйдет не слишком аккуратно, зато в твоём красивом пальто больше не будет дыры.

Он ответил:

– Я сказал ей, что порвал его, зацепившись за ветку. Сойдет и так.

– Нет, не сойдет, – возразила она. – Пожалуйста, позволь мне его починить.

Он улыбнулся. По-настоящему, может, даже немного залихватски. Они с Даниэлем могли бы быть братьями. Они так похожи. Так почему же она остановила целовавшего ее Даниэля? Почему ей приходилось иногда прикусывать язык, когда Даниэль был с ней добр? В Ханивелл-холле она реальна ровно настолько, насколько Эльспет и Даниэль позволяют ей. Это не ее настоящая жизнь.

Все это смешно, конечно. Настоящее – это настоящее. Даниэль – настоящий. Миранда, когда находится не здесь, тоже. Кем бы ни был Фенвик Септимус Ханивелл, Миранда была уверена, что все это неспроста.

– Пожалуйста, – повторила она.

– Как пожелаешь, Миранда, – сказал Фенни. Она помогла ему снять пальто. Их руки соприкоснулись, и Миранда подавила необъяснимое желание ухватиться за Фенни, будто один из них вот-вот упадет.

– Пойдем в дом, – сказала она. – Только на время, пока я буду шить. Лучше делать это внутри. Там свет ярче. Познакомишься с Даниэлем. Или Эльспет. Я ее разбужу. Уверена, Эльспет знает, что делать в таких случаях. Что бы это ни было. Люди театра, похоже, знают, как быть в таких ситуациях. Пошли со мной.

– Не могу, – ответил он с сожалением.

Конечно. Опять против правил.

– Хорошо, – добавила Миранда. – Тогда мы оба будем на улице. Я останусь с тобой. Ты расскажешь мне о себе. Если, конечно, это тоже не против правил.

Она занялась булавками. Он придержал ее руку.

– Изнанкой навверх, если не трудно, – сказал он. – Чтобы лис оказался внутри.

У него были красивые ладони. Никаких мозолей на пальцах. Ухоженные ногти. Его большой палец скользнул по костяшкам ее руки. Миранда ответила, чуть задержав дыхание:

– Изнанкой навверх. Так, чтобы она не заметила, что пальто кто-то починил?

Кто бы она ни была.

– Она заметит, – произнес он. – Но не увидит, что лис теперь свободен.

– Хорошо. Звучит разумно. – Миранда высвободила руку. – Вот, можем сесть здесь.

Она расстелила одеяло. Села. Потом вспомнила, что у нее в кармане батончик «Марса».

Протянула ему:

– Садись.

Он посмотрел на шоколад. Развернул обертку.

– О, нет, – сказала Миранда. – Еще правила? Тебе не разрешают ничего есть?

– Не знаю, – ответил он. – Прежде мне никто ничего не предлагал. Со мной никто даже не разговаривал.

– Значит, ты появляешься, когда идет снег, бродишь повсюду, заглядывая в окна. А затем возвращаешься к себе?

Фенни кивнул. Он выглядел почти смущенно.

– Забавно! – сказала Миранда. – То есть нет, я хотела сказать, ужасно!

Она держала кусочек с вышивкой, пришивая его быстрыми стежками так, чтобы лиса не было видно.

Если снегопад прекратится, он просто исчезнет? А пальто останется? Что-то подсказывало ей, что все это совершенно против правил. Хочет ли он вернуться? И что именно она подразумевает под «вернуться»? Сюда, в Ханивелл-холл? Или обратно, где бы ни было то место, где он находится, когда его здесь нет? Почему он не стареет?

Эльспет говорила, что становиться старше – весело. Но Миранда знала, сама Эльспет вряд ли в это верит.

– Вкусно, – сказал Фенни с удивлением. Батончик «Марс» закончился. Он облизал пальцы.

– Я могу сходить в дом, – сказала Миранда. – Сделать тебе сэндвич с сыром. А еще есть Рождественский торт на завтра.

– Нет, – ответил он. – Останься.

– Хорошо, – согласилась она. – Останусь. Вот, это лучшее, что я могу сделать при таком освещении. И руки уже замерзли.

Он взял у нее пальто. Кивнул. Затем накинул его ей на плечи. Обнял, притянув к себе. Парча такая тяжелая. Снег чувствовался как изнутри, так и снаружи.

Фенни оказался на удивление материальным для того, кого большую часть времени нет.

Его губы были чуть выше ее макушки, и дыхание шевелило волосы. Она очень-очень замерзла. Смешно – сидеть здесь, в снегу, с этим смешным человеком и его списком смешных правил.

Она простудится тут до смерти.

Осторожно, будто ожидая, что она его остановит, он положил ей руки на талию. Вдохнул. Теплое дыхание у нее в волосах. Миранда внезапно очень испугалась, что снегопад прекратится. Они же еще не поговорили толком. Они даже ни разу не целовались. Она точно знала, ощущала каждой частичкой своего тела, что хочет его поцеловать. Что он хочет ее поцеловать. Кожу покалывало от желания. Внутри будто взрывались пузырьки шампанского.

Она убрала швейный набор в карман и наткнулась на косячок, который дала ей Эльспет, и зажигалку Даниэля.

– Спорим, такого ты тоже не пробовал, – сказала Миранда. Она повернулась в его руках. – Это курят. Держи.

Протянула ему сигарету так, чтобы он взял ее губами. Щелкнув зажигалкой, дала прикурить, а затем резко подалась вперед, целуя его. Фенни поцеловал ее в ответ. Второй раз за эту ночь она целовала парня, и они оба были Ханивеллами.

Как ни восхитительно было целоваться с Даниэлем, то, что творилось с ней сейчас, было больше, чем восхитительно. Миранда не знала, как долго они целовались. Сперва у поцелуев был вкус шоколада. Она понятия не имела, что стало с косяком. Или с зажигалкой. Они целовались, пока губы Миранды не онемели и камзол не упал с ее плеч. Миранда переместилась к Фенни на колени, одной рукой она перебирала его волосы, другой обнимала за талию. Все, чего она хотела – было целоваться с ним вечно. Внезапно Фенни отстранился. Они оба тяжело дышали, его щеки покраснелись, губы тоже. Миранда подумала, что, наверное, выглядит так же безумно, как он.

– Ты дрожишь, – сказал он.

– Конечно! Здесь холодно! А ты не хочешь идти в дом. Потому что, – сказала Миранда, задыхаясь и дрожа от холода и желания. Желания, желания... – это против правил!

Фенни кивнул. Посмотрев на ее губы, он облизнул свои. Однако, когда Миранда попыталась его поцеловать, Фенни отпрянул. Она подавила искушение набрать полную горсть мокрого снега и размазать по его ханивелловскому лицу.

– Хорошо, хорошо! Так, сиди здесь. Никуда не уходи. Не сдвигайся даже на дюйм, понял? Я достану ключи от «Тигра», – сказала она. – Если это тоже не против правил – сидеть в старых машинах.

– Все это против правил, – ответил Фенни. Но кивнул.

А вдруг, – подумала она, – вдруг ей удастся просто посадить его в машину и уехать. Может быть, это сработает.

– Я серьезно, – произнесла Миранда. – Только посмей куда-нибудь уйти.

Он кивнул. Она поцеловала его напряженно, мучительно, отчаянно, затем отпрянула и побежала на кухню. Ее пальцы так замерзли, что она не сразу смогла открыть дверь. Она схватила куртку, ключи от машины, а затем, по наитию, отрезала кусок нетронутого Рождественского торта. Что ж, если Эльспет спросит, кто это сделал, она расскажет эту невероятную историю.

Затем Миранда выскочила наружу. И выпалила все самые плохие слова, которые только знала: снегопад закончился. Остались лишь промокшее от снега одеяло, косячок и обертка от «Марса».

Она положила кусок Рождественского торта в оконную нишу. Может быть, птицы склюют.

* * *

Даниэль все еще спал на диване. Миранда разбудила его.

– С Рождеством, – сказала она. – И с добрым утром.

Затем вручила ему подарок: рубашку, которую сшила для него. Серо-голубой египетский хлопок, под цвет его глаз. Но, естественно, она ему не подошла. Он слишком вырос.

Даниэль поймал Миранду под омелой. Было уже довольно поздно, но в Рождественскую ночь никому не хочется спать. Подвыпившие и расслабленные люди начинают спорить о том, что им на самом деле безразлично. Просто ради удовольствия. Он поцеловал Миранду. И она позволила.

«Это что-то вроде подарка для Эльспет, – объясняла себе Миранда. – Ведь, – думала она, – нелепо не целовать Даниэля просто потому, что ей хочется, чтобы ее целовал кто-то другой. Особенно, когда этот кто-то не вполне реален. Во всяком случае, большую часть времени».

К тому же Даниэль надел рубашку, которую Миранда сшила для него, хотя она и была ему мала.

На следующее утро Даниэля мучило похмелье, так что отвезти Миранду в город вызвалась Эльспет. На сей раз на ней был отделанный соболем старомодный костюм из красно-коричневого габардина. У Миранды чесались руки распороть костюм и посмотреть, как он сделан. Какая же у Эльспет узкая талия!

Эльспет сказала:

– Знаешь, он влюблен в тебя.

– Нет, – ответила Миранда. – Он любит меня, но не влюблен. Я люблю его, но и я не влюблена.

– Как скажешь, Миранда, – ответила Эльспет. Ее тон был холоден. – Хотя не могу не любопытствовать, откуда тебе в столь юном возрасте так много известно о любви?

Миранда вспыхнула.

– Ты же знаешь, что можешь поговорить со мной, – сказала Эльспет. – Когда захочешь. Когда тебе будет нужно. Миранда, дорогая, у тебя есть мальчик? Не Даниэль? Бедный Даниэль.

– У меня никого нет, – ответила Миранда. – Правда, никого. И ничего. Мне просто немного грустно, что приходится снова ехать домой. Это было такое восхитительное Рождество.

– Какой чудесный снег! – сказала Эльспет. – Как плохо, что он долго не пролежит.

* * *

Через два месяца после Рождества Даниэль приехал в гости. Миранда не ждала его. Он появился на крыльце с букетом роз. Брови тетки поползли вверх.

– Я заварю чай, – сказала она и поспешила на кухню. – И нужно найти вазу для цветов.

Миранда взяла розы. Спросила:

– Даниэль, что ты здесь делаешь?

– Ты меня избегаешь, – ответил он.

– Избегаю? Мы же не соседи, – сказала Миранда. – Я даже не была уверена, что ты знаешь, где я живу.

Она с трудом выдерживала присутствие Даниэля тут, в безукоризненной прихожей дома, где жила ее тетя.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Миранда. Ты никогда не бываешь онлайн, – сказал Даниэль. – А когда появляешься, не хочешь разговаривать. Ты ни разу мне не ответила. Не пригласишь меня войти?

– Нет, – ответила она и взяла сумку.

– Не надо чая, тетя Дора, – громко сказала Миранда. – Мы пойдем гулять.

Она оттолкнула руку Даниэля, безжалостно вычеркивая его из своей жизни, из настоящей жизни. Пусть даже это было зря. Быстрым шагом Миранда вела его вдоль стоящих у дороги домиков с фасадами из белого камня, к скучной и грязной, типичной для центральных графств Главной улице. Даниэль шел за ней. Путь был не близкий, и Миранда понятия не имела, что сказать. Он, похоже, тоже не знал, о чем разговаривать.

Платье, которое надела Миранда, было пока еще только проектом, она не собиралась выходить в нем на люди. Причесаться она тоже не успела. Это был выходной. Она собиралась сидеть дома и заниматься. Как Даниэль только посмел приехать!

В городе было одно кафе с исключительно гадкими булочками и сэндвичами. Она привела его туда, и они сели за столик. Сделали заказ.

– Я должен был предупредить, что приеду, – сказал Даниэль.

– Должен был, – согласилась Миранда. – Тогда бы я сразу тебе отказала.

Он попытался взять ее за руку.

– Миранда, – произнес Даниэль. – Я думаю о тебе все время. О нас.

– Нет, – прервала его Миранда. – Прекрати!

– Не могу, – ответил он. – Ты мне нравишься. Очень. А я тебе разве нет?

Ужасный разговор. Она чувствовала себя так, будто наступила на мышонка. Как можно наступить на мышонка, который был твоим другом? Миранда не понимала, почему так несправедлива к Даниэлю. Почему так взбесилась из-за того, что он приехал. Ведь он не знает, как она относится к этому месту. Еще несколько месяцев, и она уедет отсюда навсегда. И это место перестанет существовать. Когда принесли булочки, они оба уже готовы были расплакаться. Даниэль откусил кусочек и тут же выплюнул на тарелку.

– Не такие уж они плохие, – сказала Миранда, подбивая Даниэля пожаловаться.

– Такие, – ответил он. – Они просто ужасные. – Сделал глоток чая: – И молоко прокисло.

Даниэль выглядел таким удивленным, что Миранда не сдержалась и захохотала. Это его тоже удивило. И с этого самого момента они больше не пытались поспорить. Провели остаток дня вместе, кормили уток на замерзшем пруду, смотрели в кинотеатре ужастики, боевики, мультфильмы – все, что угодно, кроме романтических комедий. Зачем сыпать соль на раны? Он не пытался взять ее за руку. А она не пыталась представить, будто идет снег, а Фенни сидит рядом с ней в мерцающей темноте. Представлять такое было против правил.

* * *

Миранда закончила семестр. Собрала все, что хотела взять с собой, остальное сложила в коробки. Продала швейную машинку и оставила тетке записку. Она понимала, что должна быть ей благодарна. Все эти годы тетя кормила ее, одевала, давала стол и кров. Никогда не била. Не относилась к ней по-настоящему плохо. Но Миранда очень-очень устала быть благодарной.

Липкая и потная, измотанная сменой часовых поясов, она вышла из самолета в Пхукете. Остановилась на ночь в хостеле, а затем отправилась на встречу с матерью. Миранда читала о том, как должно проходить свидание. Знала, что можно принести, насколько остаться и как себя вести. Знала все правила.

Но она так и не увиделась с Джоанни. Не разрешили. Не понятно, почему. На вопрос, здесь ли ее мать, она все еще здесь? Ей ответили – да. Жива ли она? Да. Может ли Миранда увидеться с ней? Нет. Возможно, да, но не сегодня. Приходите в другой раз.

Миранда возвращалась трижды. Вновь и вновь ее отправляли ни с чем. Консул помочь не смог. Во второй раз она разговорилась с молодой женщиной. Ее звали Динда, она сидела с заключенными, когда те находились в лазарете. Динда сказала, что навещала Джоанни два или три раза. Что мать Миранды не была особо разговорчивой. Прошло уже больше шести месяцев с тех пор, как Джоанни последний раз писала Эльспет и Миранде. Получив третий отказ, Миранда купила билет на самолет в Японию. Следующие четыре месяца она жила там. Преподавала английский язык в Киото. Ходила по музеям. Рассматривала кимоно на блошиных рынках вокруг храмов.

Она отправила открытки Эльспет и Даниэлю. И матери. И даже тетке. За два дня до Рождества Миранда отправилась домой.

В самолете она уснула, и ей снилось, что идет снег. Она была с Джоанни, в пхукетской тюрьме, в камере. Мама сказала, что любит ее. Сказала, что приговор смягчили. И если она будет хорошо себя вести и *следовать правилам*, то ее отпустят домой на Рождество.

* * *

В этом году у Миранды был план. На Рождество непременно пойдет снег. Чтобы ни сулили прогнозы. Снег пойдет, и точка. Она найдет Фенни. И не отпустит его. И не важно, какие на этот счет существуют правила.

На следующий год Даниэль обирался уезжать в Сент-Андрус. Его девушку звали Лиллиана. Эльспет была счастлива. Миранда тоже. Она рассказывала Ханивеллам чудесные истории о своих учениках, оленях в храмах и о девочке, которая играла на флейте.

Эльспет старела. Ей давно исполнилось шестьдесят, но она оставалась самой красивой женщиной, которую Миранда когда-либо видела. В любой момент Эльспет могла получить рыцарский титул и больше никогда не попадать в центр скандалов.

Лиллиана оказалась приятным человеком. Даже сказала Миранде, что ей нравится ее платье. Кокетничала с самыми старыми Ханивеллами и помогала накрывать на стол. Даниэль смотрел на все, что делает Лиллиана так, будто до нее никогда никому не говорил комплиментов, никогда ни с кем не флиртовал. Будто именно она изобрела стаканы для воды, салфетки и скатерти. Он открыл для себя новый мир.

Несмотря на все это, Миранда думала, что Лиллиана могла бы ей понравиться. Она была умна. Как математик. Похоже ей на самом деле понравилось платье Миранды, хотя выглядела она вовсе не так уж мило. Закованная в броню, колючая, неудобная, и для себя и для других. Кожаное платье в стиле панк, усеянное шипами, пряжками, с металлическими манжетами и цепями со всех сторон. Где бы она ни садилась, ей приходилось быть осторожной, чтобы не порезать, не проколоть и не поцарапать мебель. Объятия при этом полностью исключались.

Лиллиана захотела отправиться на экскурсию, и после обеда и первых коктейлей Миранда и Даниэль провели ее по Ханивелл-холлу и показали все – и то, что содержалось в порядке, и то, что пришло в упадок. В конце концов, они оказались на одном из чердаков и принялись рыться в чемоданах с костюмами Эльспет. Они уговорили Лиллиану примерить платья из марли, нацепить расшитые стеклярусом крылья феи и накраситься старым театральным гримом. Потом начали фотографироваться. Даниэль читал старые письма поклонников, нашел фотографии Эльспет и Джоанни за кулисами. Вот Джоанни сидит высоко на гигантской вазе, а здесь у нее полный рот булавок... Джоанни на вечеринке в честь пре-

мьеры, пьяная, смеющаяся и молодая. Наверное, больно, когда рассматриваешь такие фотографии? Должно быть больно.

– Как вы думаете, снег пойдет? – спросила Лиллиана. – Хочу снегопад на Рождество.

Даниэль ответил:

– На прошлое Рождество был. А в этом ожидать не приходится. Слишком тепло.

Даже не пытайся сделать так, чтобы ее слова звучали серьезно, Миранда сказала:

– Снег будет. Должен быть. А если он не пойдет, мы кое-что устроим. И заставим его пойти.

Миранда почувствовала удовлетворение, когда Лиллиана посмотрела на нее так, будто Миранда псих, возможно даже, опасный. Что ж, можно было и так догадаться, глядя на ее платье.

– Моим подарком в этом году, – сказала Миранда, – будет снег. Вот увидите. Зовите меня Снежной Королевой.

Ее чемоданы со специальным оборудованием едва влезли в машину. Эльспет ничего не сказала, только подняла бровь. Большая часть багажа все еще лежала в гараже.

Даниэль развеселился, услышав слова Миранды. Лиллиана тоже или просто сделала вид. В чемоданах лежали длинные, прозрачные полосы ткани, которые Миранда переплела между тремя ветвями дерева, спустив концы до самой земли. А еще длинные нити со стеклянными, хрустальными и серебристыми украшениями, вырезанные вручную снежинки из кружева, рассыпанные по ткани-сетке. Но главным оружием была машина для изготовления искусственного снега со шлангом длиной в пятьдесят футов. Миранда могла сделать горы искусственного снега. По словам парней, у которых она арендовала аппарат, целый час будет идти первоклассный снег, лучший, какой только можно купить за деньги.

Когда Миранда наконец закончила приготовления, пробило полночь. Она пошла в дом и включила прожекторы, а затем снежную машину. В воздухе закружились прекрасные сверкающие снежинки. Лиллиана медленно поцеловала Даниэля. Утонченная романтика. Все это время Эльспет наблюдала за ними, стоя на лестнице, ведущей в кухню. Рукой она прикрывала свой стакан с коктейлем. Искусственный снег оседал на ее волосах, окрашивая их белым. Все Ханивеллы, кто еще не ушел спать, а таких было большинство, не переставали охать и ахать. Самые юные из них, родившиеся намного позже, чем Миранда впервые побывала в Ханивелл-холле, захлопали в ладоши. Миранда почувствовала себя действительно всемогущей. Все-таки Санта-Клаус существует.

Постепенно Ханивеллы вернулись в дом, чтобы выпить и продолжить разговоры. Да и восхищаться спецэффектами гораздо приятнее в тепле. Для снега было недостаточно холодно, но в целом погода стояла довольно прохладная. Самое время для горячего шоколада, горячего виски с медом, согревающей ванны и грелки в постели.

Конечно, Миранда не была уверена, что ее затея сработает. Вдруг она играет не по правилам? Но, с другой стороны, разве она не заслужила хоть капельку везения?

И все-таки сработало. Не смея надеяться, Миранда сначала подумала, что это Даниэль вышел из дома, чтобы позвать ее. Но это был не он.

В том самом старом камзоле с заплаткой, которую пришила, она, Миранда, из-за куста боярышника выступил Фенни.

– Получилось, – сказала Миранда. Она обхватила себя руками, что было ошибкой – все эти шипы... – Ой!

– Меня же не должно быть здесь, так? – спросил Фенни. – Ты что-то сделала. Миранда внимательно посмотрела на него. Как молодо он выглядел. Едва ли старше нее. Как долго он был таким?

Искусственный снег ложился им на плечи.

– У нас примерно час, – сказала Миранда. – Это не очень много.

Он подошел и обнял Миранду.

– Осторожнее, – сказала она. – Я вся в шипах.

– Смешное платье, – пробормотал он, уткнувшись ей в волосы. – Но милое. Вот, оказывается, что носят люди этого века.

– Сказал человек, одетый в камзол, – ответила Миранда. В этом году они были почти одного роста. Он даже ниже Даниэля, подумала Миранда. Затем они поцеловались. Они с Фенни поцеловались, и Даниэль перестал существовать.

Пока они целовались, Фенни прижимал ее к себе все сильнее, несмотря на шипы. Он держал ее за талию так крепко, что она подумала, что у нее останутся синяки.

– Пойдем со мной в дом, – сказала Миранда между поцелуями. – Пойдем.

Фенни куснул ее нижнюю губу. Затем лизнул.

– Не могу, – сказал он. – Из-за этих правил, – теперь он покусывал ее ухо. Она застонала. Потянув за волосы, заставила его отвлечься. – Ненавистные правила. Если бы я мог остаться, клянусь, я бы так и сделал. Миранда, я бы с радостью остался и прожил с тобой всю жизнь. Или столько, сколько ты захотела бы.

– Тогда оставайся, – сказала она. Ее платье, должно быть, впивалось в него. В живот, в ноги. Завтра они оба будут все в синих и черных пятнах.

Он ничего не ответил, только продолжал ее целовать – чтобы отвлечь ее, она это понимала. Спереди платье легко расстегивалось. Под ним на ней была старая футболка. И легинсы. Она направила его руки.

– Если ты не можешь остаться со мной, – сказала Миранда, пока Фенни расстегивал молнию, – тогда я останусь с тобой.

Его руки скользнули вдоль ее тела. Оказалось достаточно просто втянуть его в каркас платья и обернуть их обоих тяжелой цепью – поясом. А потом защелкнуть замок. Ключ был в доме. На чердаке, где она его и оставила.

– Миранда, – спросил Фенни, очнувшись, – что ты сделала?

– Главный компонент любых отношений – это способность удивлять того, кого любишь. Вычитала в каком-то журнале. Тебе понравятся женские журналы. О, и интернет. Кое-что оттуда – точно. Я тебя не отпущу, – ответила Миранда. Места в платье вполне хватало на двоих. Она чувствовала каждый вдох Фенни. – Если ты уйдешь, уйду и я. Где бы ни находилось то место, куда ты уходишь.

– Не выйдет, – сказал он. – Есть правила.

– И всегда есть способ их обойти, – возразила Миранда. – Об этом писали в другом журнале. – Она знала, что несет чепуху. Сработал защитный механизм. Она и об этом читала. Почему она не может прекратить думать о женских журналах? Побочный эффект, когда понимаешь, что влюблен? «Пятнадцать способов понять, что ваша любовь взаимна». Пункт восемь. Он не возражает, когда вы приковываете себя к нему, после того как подманили его поближе с помощью машины для искусственного снега.

Фальшивый снег был более холодным, тяжелым и мокрым, чем она думала. Очень похож на настоящий. Фенни что-то бормотал, положив голову ей на плечо. То ли «Я тебя люблю», то ли «О чем ты только думала, Миранда?»

Или и то, и другое. Теперь снег был и фальшивый, и настоящий. Он перемешался. Поддельная магия стала настоящей. Снег шел все сильнее, пока весь мир не побелел. Становилось все холоднее.

– Что-то происходит, Фенни, – сказала Миранда. – Идет снег. Настоящий.

Фенни будто обратился в камень в ее руках. Она чувствовала, что он перестал дышать, но его сердце стучало как бешеное.

– Отпусти меня, – сказал он. – Пожалуйста, отпусти.

– Я не могу, – сказала Миранда. – У меня нет ключа.

– Можешь. – Голос, будто колокол, чистый и мелодичный.

Вот и та, которую ждала Миранда. «Она», о которой говорил Фенни.

Та, что ловит лис в капканы. И никогда не выпускает. Та, которая устанавливает правила.

Было глупо, наверно, вспоминать в такой момент Эльспет, но о ней подумала Миранда, когда к ним приблизилась Леди. Самая ханивелловская из всех Ханивеллов, которых знала Миранда. Сила и властность, в которые облакалась Эльспет, выходя на сцену, были всего лишь игрой. Эльспет только *изображала* железную леди. Здесь же, перед ней, была сама властность во плоти. Эльспет использовала силу, которую дарили ей зрители. Леди же обладала ею всегда. Как же это тяжело, наверно, не иметь возможности отказаться от своей силы! Слышала ли Леди, о чем думает Миранда? Ее взгляд охватывал все. Голова Фенни была опущена, но его руки оставались в руках Миранды. Он под ее защитой, и она не позволит ему уйти.

– У меня нет ключа, – повторила Миранда. – И он не хочет идти с тобой.

– Он уже ушел однажды, – ответила Леди. На ней была ледяная броня. Каково это, одевать такую Леди? Служить ей? Миранда могла бы пойти с Фенни, если Леди разрешит.

Осторожно, так, чтобы Леди не заметила, Фенни ущипнул Миранду за тонкую кожу между большим и указательным пальцами руки. Боль привела Миранду в чувство. Она увидела, что Фенни смотрит на нее. Он ничего не говорил, только смотрел, пока Миранда не опомнилась.

– Да, я ушел с вами по доброй воле, – согласился Фенни. Но он не смотрел на Леди. Он смотрел только на Миранду.

– А теперь хочешь меня покинуть? Просто скажи, и я тотчас же тебя отпущу.

Фенни молчал. Правило, подумала Миранда. Здесь определенно какое-то правило.

– Он не может этого сказать, – возразила она. – Потому-то вы его и не отпускаете. Позвольте мне произнести все это за него. И он останется здесь. Разве вы не достаточно долго держали его вдали от дома?

– Его дом рядом со мной. Дай ему уйти, – произнесла Леди. – Или пожалеешь.

Она протянула руку и коснулась цепи, опоясывавшей платье Миранды. Цепь рассыпалась от ее легкого прикосновения. Миранда почувствовала, как металл ломается.

– Отпусти его, и я исполню твое самое заветное желание, – сказала Леди.

Она была так близко, что Миранда чувствовала ее дыхание, обжигающее щеки холодом. А потом Миранда уже не держала Фенни. В ее объятиях был Даниэль. Они поженились. Ханивелл-холл стал ее домом. Он был им всегда. Их дети под деревом, трое. Эльспет седая, но красивая, сидит во главе стола, на ней платье из модного дома Миранды.

Только это ведь не Эльспет, не так ли? Это Леди. Миранда едва не выпустила Даниэля. Фенни! Но он держал ее за руки, и она обхватила его за талию еще крепче, чем прежде.

– Осторожнее, девочка, – произнесла Леди. – Он кусается.

Теперь Миранда держала лиса. Царапающегося, кусающегося, с вонючей пастью. Миранда вцепилась в него еще сильнее.

И снова это был Фенни, дрожащий у нее в руках.

– Все в порядке, – сказала Миранда. – Я держу тебя.

Но это все еще не Фенни. Это ее мать. Они вместе в маленькой грязной камере. Джоанни говорит:

– Все хорошо, Миранда. Я здесь. Все хорошо. Ты можешь идти. Я здесь. Отпусти, и мы пойдем домой.

– Нет, – отвечает Миранда, внезапно охваченная гневом. – Нет, тебя здесь нет. И я ничего не могу с этим поделать. Зато вот что я могу сделать!

И она держала свою мать до тех пор, пока она снова не стала Фенни, а Леди смотрела на них так, будто Миранда и Фенни – грязь у нее под ногами.

– Что ж, хорошо, – сказала Леди. Она улыбалась так, как можно улыбаться, глядя на грязное пятно. – Забирай его. Ненадолго. Но знай, что он никогда больше не познает радости, которой я его обучила. Только со мной он мог быть счастлив. Это я делала его таким. Ты принесешь ему только горе и смерть. Ты затащила его в мир, о котором он ничего не знает. Где у него ничего нет. Он будет смотреть на тебя и думать о том, что потерял.

– Мы все что-то теряем, – произнес язвительный голос. – Мы все любим и теряем, но все равно продолжаем любить.

– Эльспет? – спросила Миранда. Но подумала, что это ловушка. Еще одна ловушка. Она сжала Фенни так сильно, что он едва дышал.

Эльспет посмотрела на Фенни и сказала ему:

– Я видела тебя как-то в окно. Думала, ты тень или призрак.

Фенни ответил:

– Я помню. Хотя вы тогда были не так красивы, как сейчас.

– Какие слова! Боюсь, Миранда вас не поймет, – сказала Эльспет. – А что до вас, миледи, думаю, вы уже догадались, что побеждены. Ищите себе другую игрушку. Леди опустилась в глубоком реверансе. В последний раз взглянула на Эльспет, Миранду, Фенни. На этот раз Фенни посмотрел на нее в ответ. Что он видел? Колебался ли он? Хотел ли последовать за ней? Его рука снова нашла руку Миранды.

Леди ушла, и снег стал реже, а затем совсем исчез.

Эльспет выдохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Миранда, ты упрямая девчонка с добрым сердцем. Слава богу, ты умнее, чем твоя бедная мать. Но если бы я знала, что ты задумала, мне было бы что сказать. Сценическая магия хороша, но от настоящей лучше держаться подальше.

– Для Миранды это было бы лучше, – сказал Фенни. – Но благодаря ее смелости и тому, что она придумала, я вновь обрел свободу.

– И теперь, полагаю, нам придется решить, что с тобой делать, – ответила Эльспет. – Тебе нужно что-то более практичное, чем это пальто.

– Идем, – сказала Миранда. Она все еще сжимала его руку. Быть может, слишком крепко, но Фенни, похоже, это не беспокоило. Потому что и он не был готов ее отпустить.

– Идем же домой, – позвала Миранда.

Мэтт де ла Пенья Ангелы в снегу

Я никому не сказал, как плохи мои дела.

Да, пожалуй, старик мог бы сунуть в конверт пару баксов и отправить на мой бруклинский адрес (а там их могла бы стащить банда крыс-домушников). Но у него и так забот по горло: нужно откладывать на летний лагерь для моей младшей сестренки. Да еще нашему псу по кличке Орешек – невообразимо блохастой дворняге с торчащими во все стороны зубами – срочно потребовались услуги дантиста. Да-да, вот именно: кривозубой собаке нужна операция. Ну что ж... Но, по словам сестренки, за это придется выложить больше трех сотен зеленых, так что старику пришлось впрячься во что-то типа кредита.

Пустяки.

Подумаешь, посижу в праздники на голодном пайке.

Не о чем говорить.

* * *

– Михо⁴, – раздался в трубке голос отца, когда я в первый раз остался присматривать за кошкой на целый день, – как дела в колледже, все хорошо?

Я поставил акустическую гитару Майка обратно на стойку.

– Да, пап, все хорошо.

– Ну и хорошо.

«Хорошо, – подумал я. – Сколько же раз мы с ним обменялись этим чертовым словом за последнее время?» Старик говорил так, потому что не был уверен в своем английском, а я – потому что не хотел выглядеть в его глазах выпендренником.

– На следующий год купим тебе билет, и ты сможешь прилететь домой на Рождество, – продолжал отец. – И тогда ты, я и Софе, мы соберемся вместе, как одна семья. Как раньше.

– Звучит отлично, пап.

Он еще не знал об этом, но к следующему Рождеству я планировал перебраться поближе к дому, в юго-восточную часть Сан-Диего, и пойти учиться в местный муниципальный колледж. Всем, похоже, казалось, что у меня в Нью-Йорке все идет как по маслу. И формально, наверное, так и было. Полная академическая стипендия Нью-Йоркского университета. Профессора, которые просто поражали меня каждый раз, когда я приходил на лекции. Но если бы вы прочитали нашу с сестренкой переписку, вы бы сразу поняли, почему я решил бросить колледж после первого же учебного года. Мой отец – самый стойкий мужчина, которого я знал, – плакал по ночам в подушку. Софе слышала его рыдания за стеной. А еще он отказывался от еды, так что сестренке приходилось буквально силой усаживать его за стол. Словом, дело было в том, что дома творилась чертова реальная жизнь. Настоящее мучение. А я прохлаждался тут, на другом конце страны. Невозможно описать тот груз вины, который я чувствовал на своих плечах.

Повисла долгая неловкая пауза – мы со стариком еще толком не научились общаться по телефону. Наконец он прочистил горло и произнес:

– Что ж, *михо*, берегись бури. В новостях сказали, она будет сильной.

⁴ *Mijo* – сокращение от *mi hijo*, «сын» (исп.) – ласковое обращение старшего мужчины к младшему, распространенное в мексиканском диалекте английского языка в США.

– Я буду осторожен, пап, – ответил я. – Скажи Софе, пусть держится подальше от парней.

Мы попрощались и закончили разговор.

Сунув мобильник в карман, я в сотый раз заглянул в буфет Майка. Одна цельнозерновая булочка для хот-дога и пара пакетиков кетчупа. Все. В холодильнике тоже было нечем поживиться. Плитка горького шоколада, полпачки мини-морковок, два йогурта без добавок и бутылка крутой водки. Как в такой прекрасной квартире может быть так мало еды? Стоило только взглянуть на красивые баночки с йогуртом, как в животе заурчало. Но нужно было экономить. До Рождества оставалось еще три дня, а до получки – целых четыре.

Майк, управляющий книжным магазином в кампусе, и его жена Дженис обещали заплатить за то, что я посижу с кошкой в их новой квартире. Тут, конечно, было раз в триста лучше, чем в той раздолбанной халупе, которую я снимал в Бушвике, да только Майк забыл заскочить в банк перед отъездом.

– Можно мы рассчитаемся, когда вернемся из Флориды? – спросил он.

– Не вопрос, – соврал я.

Беда не приходит одна: они уехали, а через пару часов на Нью-Йорк обрушился чертов снегопад. Весь Парк-Слоуп, где жил Майк, завалило слоем гребаного снега толщиной в тринадцать дюймов. И если бы я даже захотел освежить навыки, полученные дома (обчистить кого-нибудь, например), то ничего бы не вышло. Все сидели по своим тепленьким домам и носа не казали наружу.

Закрыв холодильник, я вышел в гостиную и уставился в окно. Кошка тоже смотрела в окно. Оливка – кажется, так ее зовут. Пустой желудок сжало, скрутило, потом медленно отпустило и сжало снова. Пара машин, оставшихся на улице, уже превратилась в сугробы, а снег все падал и падал. Под его тяжестью сгибались деревья.

Повернувшись к кошке, я сказал:

– Тебя я не съем, обещаю.

Она равнодушно посмотрела на меня, спрыгнула на деревянный пол и вальяжно направилась в сторону кухни, где ее дожидалась полная миска сухого корма со вкусом лосося.

Неисправная сантехника

Я успел съесть четверть одного из драгоценных йогуртов Майка, когда в дверь вдруг постучали. Ложка застыла над пластиковой баночкой. Кто бы это мог быть? Снаружи в дом никак не войти, а Майк сказал, что во всей семиэтажке никого, кроме меня, не будет: все разъехались на Рождество.

Снова стук.

Теперь громче.

Сунув йогурт обратно в холодильник, я подошел к двери и посмотрел в глазок. На площадке стояла красивая девушка с длинными золотистыми волосами, фарфоровой кожей и светло-кариими глазами. Я все никак не мог привыкнуть к тому, что здесь повсюду такие люди. Знаете, как в сериалах или рекламе. Дома-то по улицам ходят сплошь обычные мексиканцы, такие же, как я.

Откинув цепочку, я распахнул дверь и произнес, напустив крутой вид:

– Нужна помощь?

– Ох, – разочарованно вздохнула девушка, – ты не Майк.

– Нет, мы с ним вместе работаем...

– И ты уж точно не Дженис.

Она заглянула в квартиру мне через плечо.

– Майк – мой босс, – проговорил я слишком быстро и *совсем* не круто. – Сiju с его кошкой, пока они с Дженис гостят у друзей во Флориде. Он в курсе, что я здесь.

Мое сердце заколотилось. Не хватало еще, чтобы эта девушка решила, что застала меня на месте преступления. Я махнул рукой куда-то внутрь квартиры, но кошка Майка, мое единственное алиби, куда-то скрылась.

– Что-нибудь передать им? С удовольствием это сделаю. Они вернутся сразу после Рождества.

– Ты разбираешься в трубах? – вдруг спросила она.

– В трубах?

– Да, в трубах, – она помолчала, надеясь увидеть понимание в моем взгляде, но его там не было. – Ну, знаешь, раковина, душ, вот это все... короче, трубы.

– А, сантехника, – я ничегошеньки не знал о сантехнике, но все равно кивнул. Когда дело касается хороших женщин, у меня правило: сначала кивай, потом задавай вопросы. – Конечно. А в чем проблема?

Выбравшись из укрытия, Оливка стала тереться о мою ногу.

– Кис-кис-кис, – умилилась девушка и, присев, почесала кошку за ушком. – Я смотрю, ты ей нравишься.

Я сделал в уме отметку: дать Оливке вечером побольше еды. Если ухоженная трехцветная кошка трется о твои ноги, вряд ли кто-нибудь примет тебя за преступника.

– Да, мы буквально сроднились за эти сутки, – ответил я. – Как подумаю, что придется расставаться, на душе так тоскливо.

– Моя милая, моя хорошая, – ворковала девушка тем странным голоском, которым женщины разговаривают только с животными и маленькими детьми. Она гладила кошку по спинке, а я тем временем рассматривал ее саму. Старая ношенная толстовка, рваные джинсы и угги, но все равно было видно, что она из богатеньких. И это давало ей особую власть надо мной, природу которой мне было не понять, как ни стараясь.

Девушка поднялась, наши глаза встретились – и тут у меня в животе заурчало так громко, что пришлось согнуться, притворяясь, будто я закашлялся.

– Что с тобой? – спросила она.

– Все нормально. Ох. Прости.

– Ладно. Так вот, у меня там, наверху, небольшая катастрофа. Пытаюсь открыть воду в душе – и ничего. Совсем, ни капельки. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

– Немного.

Вранье!

– Хочешь, посмотрю?

– Если не трудно.

– Погоди, я только ключи возьму.

Я кинулся обратно в гостиную Майка, на ходу пытаюсь вспомнить, как мой старик чинил трубы на кухне с помощью своего верного гаечного ключа. В памяти отчетливо всплыла картинка: отец лежит на спине, наполовину скрывшись под раковиной, и что-то вертит, а вокруг раздается металлический лязг.

И почему только я не смотрел внимательнее?

Ненастоящий Эпиноза

В квартире пахло томатным соусом, чесночным хлебом и пармезаном. Пока девушка вела меня через кухню, я чуть не залил пол слюной. Может, стоило остаться у Майка? Там было проще убедить себя, что весь Бруклин строго соблюдает Рождественский пост.

– Кстати, я Хейли.

– Шай, – отозвался я.

Она бросила на меня взгляд:

– В смысле, Ш-А-Й?

– Именно.

С тех пор как я приехал в Нью-Йорк, этот разговор повторялся уже не одну дюжину раз. Странное дело. Дома мое имя не вызывало никаких вопросов.

Хейли пожала плечами, и мы обменялись неловким рукопожатием на ходу. Она остановилась перед ванной и жестом пригласила войти.

– Вот, видишь. И у моей соседки с душем такая же ерунда.

В ванной пахло душистым мылом, а на стене висел плакат в рамке: парочка, целующаяся на фоне Эйфелевой башни. На полочке над раковиной были разложены косметические принадлежности, щипцы для завивки ресниц и такое маленькое круглое зеркальце, в котором мое лицо казалось в три раза шире обычного. Полотенца пастельных тонов, большое и маленькое, были аккуратно сложены рядом с занавеской в черный горох. Хейли отодвинула ее и повернула оба вентиля, но ничего не произошло.

– Видишь? – сказала она.

– Интересно, – отозвался я и потер подбородок. Снова повернул вентиль горячей воды, затем – холодной. Но вода так и не потекла. Потом сунул голову под кран в душе и заглянул в отверстие размером со спичечный коробок, делая вид, будто изучаю бог весть что.

Мой старик в общем-то гордился мной. Когда из Нью-Йоркского университета на другом конце страны позвонили и предложили оплатить мое обучение – плюс ежемесячная стипендия на текущие расходы, – он даже закатил вечеринку. Тетушки, дядя, двоюродные братья и моя тогдашняя подружка, Джессика, – все собрались, принесли с собой домашнюю еду и выпивку. Прежде чем сесть за стол, отец поднял банку «Текате»⁵ и произнес короткую речь (на английском, из уважения к Джессике).

– Никогда не думал, что такое возможно, – сказал он, обводя взглядом нашу маленькую гостиную. – Один из Эспиноза – студент. Но так случилось. Поздравляю моего сына Шая!

Все чокнулись, выпили, а потом хлопали меня по плечу и говорили, что всегда верили: я совершу нечто особенное.

Но в то же время все мы знали, что я так и не умею того, что отличает всех мужчин Эспиноза: не умею работать руками. Отец пытался показать мне, как менять масло в грузовике и кровельную дранку на крутой крыше, как смолить, как чинить электропроводку, но вскоре понял: это гиблое дело. Мой единственный талант – закрашивать кружочки в чертовых тестах. И все. Видит бог, в этом я мастак.

– Может, это как-то с погодой связано, – проговорила Хейли, пока я продолжал крутить вентили. – Скажем, трубы замерзли.

– Вот об этом-то я и думал, – я поднял глаза на нее. – Скорее всего, трубы замерзли. И не хватает напора.

Секунду назад я и понятия не имел, что скажу это.

– Отлично, – горько усмехнулась она. – Душ не работает, а комендант уехал на все праздники. Придется дреды отращивать, не иначе.

– Странно, что в новом доме вдруг замерзли трубы, – сказал я.

– Правда же? И в унитазах слив почему-то работает, – Хейли нажала серебристую кнопку, и на наших глазах вода закрутилась и с клокочущим звуком втянулась внутрь, а затем медленно поднялась снова. – Может, это отдельный стояк или еще что?

– Это точно отдельный стояк, – ответил я, ведь это звучало вполне логично. К тому же мне бы не хотелось, чтобы толчок был соединен с краном, под которым я чищу зубы.

⁵ «Tecate» – мексиканское пиво.

– На кухне все в порядке, а вот тут – нет, – Хейли повернула вентили над раковиной, но ничего не вытекло. Взглянув на меня, она покачала головой. – Сейчас я должна была уже быть дома, в Портленде. Стоять под обжигающе горячим душем. Но нет, вместо этого я, как идиотка, дотянула с покупкой билетов до последнего. А потом, как ты знаешь, все рейсы отменили.

– Можешь воспользоваться душем Майка, – предложил я.

Несколько долгих секунд Хейли смотрела на меня, словно раздумывая.

– Спасибо, это мило, но я потерплю. Говорят, мыться не каждый день – это даже полезно для кожи.

– Да, я что-то слышал об этом.

Но я прекрасно понимал, в чем проблема. На самом деле она мне просто не доверяла. И правда, какой-то тип в рваных джинсах и доисторической футболке. Да еще и с кривыми татуировками (это был код моего родного города) на пальцах обеих рук.

Не спрашивайте. Мне было всего пятнадцать, и там была текила.

– Что-то там про естественные жиры или вроде того, – Хейли пожала плечами. – Ладно, не важно.

Я повернулся, собираясь уходить. Она наверняка ждала этого, ведь я оказался совершенно бесполезен.

– Ну что, я пойду, наверное. Пора кошку кормить. Прости, что не смог помочь.

– Ничего страшного.

Она провела меня обратно через кухню, где мой желудок трубил как на параде, и открыла дверь.

– С наступающим, – сказал я.

– И тебя тоже, – улыбнулась она. – Спасибо, что зашел.

По дороге к лифту я прислушивался. Когда, наконец, дверь Хейли захлопнулась, одиночество обрушилось на меня.

Как провести ночь

На ужин я доел йогурт без добавок, закусил половиной булочки для хот-дога и принялся за водку Майка. Выпил пару стаканов, потягивая ее со льдом, пока брэнчал на гитаре в ванной. Люблю играть там – акустика просто отличная. Гитара Майка была в шесть тысяч раз лучше моей. Звук лился сам собой, буквально оживал среди кафельных стен, особенно когда я выключил свет.

Водка ударила в голову, и я даже спел пару песенок из тех, что сочинял еще в школе: печальные куплеты о девушках, возвращении домой и смерти мамы. Сплошь минорные аккорды, на фоне которых мой заурядный голос звучал не громче шепота.

Музыка всегда существовала для меня именно здесь.

В темной ванной.

В одиночестве.

Чувство, которое она дарила мне, была своеобразным сочетанием легкой жалости к себе и возбуждения. Я понимал, что моя жизнь бессмысленна, и это, как ни странно, давало свободу – достигнуть всего, что пожелаю.

Словом, большую часть ночи я провел в ванной.

Пару раз кошка заглядывала проведать меня. А едва заслышав легкие шаги Хейли – ее квартира была прямо над квартирой Майка, – я прекращал петь и начинал брэнчать тише.

Около полуночи я отложил гитару, взял книгу, которую начал читать, и перебрался в гостиную. Взглянув через некоторое вниз, я обнаружил, что кошка свернулась клубочком

у моих ног. Похоже, мы с ней и правда поладили. Стали друзьями, что ли. Наклонившись, я прочитал надпись на жетоне, висевшем на ошейнике: Оливка.

Майк сказал мне, как ее зовут, когда показывал, как ее кормить и убирать лоток, но сейчас мы как будто познакомились по-настоящему.

Я почесал Оливку за ухом так же, как это делала Хейли, и прислушался к потолку – но там уже стало тихо.

Отношения на расстоянии

На следующий день, когда после полудня прошло уже довольно много времени, в дверь снова постучали. Я отвернулся от окна, возле которого мы с Оливкой сидели и смотрели на падающий снег. Отбросив плед, укутывавший ноги, я подошел к двери и посмотрел в глазок. Опять Хейли. На этот раз она прихватила с собой полотенце, сменную одежду и сумочку с туалетными принадлежностями. Открывая дверь, я произнес:

– Передумала все-таки.

Хейли заглянула в гостиную.

– Телевизор не включен?..

– М-м... да, – через плечо я бросил взгляд на темный большой экран. – В смысле, нет. Погоди, а почему ты спрашиваешь?

– Что же ты тут делаешь целый день?

– Сажу с кошкой.

Хейли закатила глаза.

– Знаешь, большинство тех, кто сидит с кошками, успевают заодно и телевизор посмотреть.

Переложив сумочку из одной руки в другую, она добавила:

– Не знаю, заметил ты или нет, но нас вроде как снегом завалило, а это идеальное оправдание для того, чтобы смотреть сериалы. Вчера я посмотрела целый сезон «Аббатства Даунтон».

– Это сериал про британских богачей, да?

– Уверена, твой телевизор не стал брать пример с моей сантехники, – продолжала Хейли, не обращая внимания на мой вопрос.

Я указал на ее сумочку с туалетными принадлежностями:

– Похоже, ты передумала насчет рождественских дредов.

Хейли театрально вздохнула.

– Вчера я все обдумала. И решила принять твоё предложение.

Теперь явно должно появиться «но».

– Но с одним условием...

Хейли оглядела квартиру Майка.

– Любопытно, – сказала она рассеянно, – вроде планировка та же, что и у меня, но все выглядит совсем не так.

Она снова повернулась ко мне.

– Чтобы мне было спокойно, когда я буду принимать здесь душ, мы сначала должны рассказать друг другу что-нибудь о себе. Тогда мне будет казаться, что я лучше тебя знаю. И неловкость исчезнет.

– Хейли, ради бога. Обещаю, я буду сидеть здесь и даже близко к ванной не подойду.

– Дело не в этом.

Я заглянул на кухню, куда Оливка ушла проверить, как там ее корм. Мой желудок уже сводило судорогами, и я невольно подумал: а не начал ли он уже переваривать мыщцы. Отступив в сторону, я жестом пригласил Хейли войти.

Она подошла к диванчику в форме буквы «Г» и села на него.

Я тоже сел.

– Так о чем тебе рассказать?

– О чем угодно. Можно, например, о своем детстве. Или о местах, где ты вырос. Или о том, почему ты носишь шапку дома. О чем угодно, правда.

Я снял шапку и открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Хейли тут же сказала.

– Хотя я подумала, может, лучше все-таки, если ты останешься в шапке.

– Почему? – Я встал и посмотрел в зеркало над диваном. На голове – целое гнездо из густых выющихся каштановых волос. Такими длинными они еще, кажется, никогда не были. Я натянул шапку обратно.

– Похоже, пора стричься.

– Думаешь?

Супер. Этого я тоже не могу себе позволить.

Дома тетушка Сесилия всегда стригла меня бесплатно.

– Ладно, давай я начну, – Хейли помолчала пару секунд, оглядываясь по сторонам, а потом продолжила: – Отношения на расстоянии строятся на терпении. И мой парень, Джастин, пожалуй, самый терпеливый мужчина на свете.

– Как это? – я заглотил наживку, хоть прекрасно понимал, что Хейли делает. Она давала понять, что у нее есть парень. Видимо, после этого я должен был сто раз подумать, прежде чем ломиться в душ, когда она будет смывать свой дорожный шампунь.

– Я уже говорила вчера, что собиралась купить билет домой, – отвечала Хейли. – Но все откладывала и откладывала. И теперь Джастин торчит один дома, в Портленде, вместо того чтобы ехать со мной в маленький отель на побережье. Наши родители дружат, и они сказали, что, если мы вернемся к Рождеству... Словом, Джастин не сердится на меня, хотя я на его месте вышла бы из себя, а спокойно разговаривает со мной про замерзшие трубы. И даже сочувствует, можешь себе представить? Вот это терпение.

– Ничего себе, – поддакнул я, подыгрывая. – Он такой... терпеливый.

– Ладно, теперь твоя очередь.

Пока я пытался вспомнить что-нибудь интересное, неловкая пауза затянулась. Про подружку, с которой у нас любовь на расстоянии, я рассказать не мог, как бы мне ни хотелось. Это наверняка избавило бы Хейли от чувства неловкости.

– Не обязательно говорить о чем-то важном и глубоком, – подбодрила она меня. – Будь проще.

– Ясно, – отозвался я, продолжая думать. И вдруг меня осенило: – Знаешь, пожалуй, младшая сестренка – мой лучший друг на свете. На Рождество ей стукнет семнадцать, и я впервые пропущу ее день рождения.

Вообще-то Софе никогда не была моим лучшим другом, да и семнадцать ей исполнялось только через неделю после Рождества. Но нужно было показать Хейли, что я надежный брат, – возможно, тогда она будет больше мне доверять.

– О, как жаль! Почему же ты не поехал домой?

Денег нет!

– Потому что обещал Майку посидеть с его кошкой.

Хейли нахмурилась.

– Уверена, он бы тебя понял. Ведь это же Рождество! Да еще и у твоей сестры день рождения.

– Еще у меня полно заданий, которые нужно сделать, – соврал я.

– А, я так и думала, что ты студент. Где учишься?

– В Нью-Йоркском университете.

Хейли кивнула.

– А разве семестр не кончился?

Я натянул шапку поглубже и заерзал.

– Вообще-то, это к следующему семестру, – я показал ей книжку. – По литературе столько всего нужно прочесть. Вот я и пытаюсь подготовиться заранее.

По программе нам действительно надо было осилить большой список книг, но роман, валявшийся на диванчике, не имел к нему никакого отношения. Да и читал я довольно быстро.

– На каком ты курсе? – спросила Хейли.

– На первом. А ты?

– На втором, в Колумбийском университете.

– О, да ты просто ветеран.

Хейли криво усмехнулась.

– Да ладно тебе. Я даже не представляю, какую специальность выбрать.

Я снова посмотрел на свою книгу.

Повисла очередная неловкая пауза. Через несколько секунд Хейли встала и сказала:

– Вот видишь...

Я тоже встал.

– Что?

– Теперь мы знаем друг друга лучше. И мне будет не так неловко пользоваться душем в твоей квартире.

– Ну, строго говоря, это не моя квартира.

– На время праздников она твоя, так ведь?

– Думаю, да.

Хейли вышла в холл, и через несколько секунд я услышал, как захлопнулась дверь ванной в спальне Майка и Дженис. Оглядевшись вокруг, я попытался представить, что это моя комната. Дизайнерский диванчик. Дорогое кожаное кресло. Огромный телевизор с плоским экраном. Гламурные картины на стенах.

Что бы подумал мой старик, если бы увидел меня сейчас?

Он бы решил, что я присматриваю за кошкой в музее.

Пока Хейли сидела в ванной, я читал – очень долго, невероятно долго. Наконец она соизволила вернуться в гостиную. С влажными волосами и свежим макияжем она выглядела восхитительно.

Отложив книгу, я встал и спросил:

– Ну как, все нормально?

– Да, вполне. Спасибо. – она подождала, пока я открою входную дверь, а затем посмотрела мне прямо в глаза и добавила: – Спасибо тебе, Шай.

От того, что она назвала меня по имени, я вдруг как-то странно себя почувствовал.

– Мой душ – это твой душ, Хейли, – отозвался я. Это было это как-то двусмысленно, поэтому я тут же добавил, – В смысле, можешь приходить мыться когда захочешь. – Нет, это тоже звучало странно. – Я имел в виду...

– Я поняла, что ты имел в виду, – пришла мне на выручку Хейли. – И я это ценю.

Мило улыбнувшись, она вышла из квартиры Майка.

Закрыв за ней дверь, я увидел, что Оливка смотрит на меня с осуждением.

– В чем дело? – спросил я.

Она мяукнула.

– Знаешь, тебе, пожалуй, придется говорить по-английски.

Кошка выставила вперед лапы, выгнула разноцветную спину, потянулась и улизнула прочь.

Ангелы в снегу

На следующий день рано утром Хейли пришла снова. В руках у нее была сумочка с туалетными принадлежностями, сменная одежда и свежее полотенце.

– Извини, не хотела отрываться... от того, чем ты тут занимался, – сказала она, – но у меня произошла неприятность на кухне.

С этими словами она оттянула край серой толстовки с эмблемой Колумбийского университета и показала большое пятно от кетчупа между буквами «б» и «м».

Я пригласил ее войти.

– Может, просто оставишь свои принадлежности тут?

Хейли натужно улыбнулась.

– Думаю, все-таки не стоит. Это как-то уж слишком. И потом, откуда мне знать, вдруг ты любитель порыться в чужих вещах?

– Да я даже не моюсь здесь. Хожу в ванную при гостевой спальне.

– Все так говорят, – она снова посмотрела на пятно от кетчупа. – По-хорошему, надо бы просто застирать кофту, но я *чувствую себя* грязной.

– Ты же слышала, что я сказал: можешь мыться тут, когда захочешь.

Сложив все вещи на обеденный стол, Хейли нагнулась, чтобы погладить кошку.

– Ты ведь ласковая киса, да? Хорошая девочка, хорошая...

– Ее зовут Оливка, – сказал я.

Хейли подняла глаза.

– Значит, все-таки решил нас познакомить.

Я пожал плечами. Почему-то привычное спокойствие улетучилось. Наверное, стал раздражительным из-за голода. И в то же время я был рад снова поболтать с Хейли. Быть голодным, конечно, паршиво. А голодным и одиноким? Все, пора искать в интернете телефон горячей линии для самоубийц.

Хейли встала и уперла руки в бока, словно ждала чего-то. Непонятное чувство, возникшее где-то в животе всякий раз, когда мы встречались глазами, поднялось выше и засело в груди.

– Что? – спросил я.

– Сегодня ты рассказываешь первым.

– Мы опять играем в «узнай-друг-друга-лучше», да?

– Ага. Давай договоримся: каждый раз, когда я прихожу сюда, мы делимся друг с другом чем-то новым. Таковы правила. В идеале это «что-то» должно быть еще и очень личным. Не в обиду твоей сестре будет сказано, но вчерашняя история у тебя вышла так себе.

С этими словами Хейли заглянула мне через плечо, в кухню Майка и Дженис:

– А что ты себе готовишь? У тебя тут никогда не пахнет едой, да и курьеров из закусокных я на лестнице давно не слышала.

– Да у Майка холодильник битком набит, – соврал я. – И в буфете полно всего. Перед отъездом они с Дженис устроили забег по супермаркету, а потом сказали, чтобы я ни в чем себе не отказывал.

– Отлично, – проговорила Хейли. – Но, подозреваю, с готовкой ты не заморачиваешься.

Я помотал головой.

– Обычно бутеры сделаю – и все. Или хлопья молоком залью. Что-нибудь простенькое, типа этого.

При мысли об этих выдуманных блюдах желудок скрутило так, что я поморщился от боли.

– Можем поесть вместе. Приготовить две порции не сложнее, чем одну.

Я даже не понял почему, но от предложения Хейли на глазах у меня выступили слезы.

Отведя взгляд, я присел, чтобы погладить Оливку. От голода в голове и во всем теле чувствовалась какая-то легкость. Руки и ноги были словно из пенопласта. Накануне я прикончил остатки булочки, морковь и йогурты, а утром доел половину шоколадки. Но голод никуда не делся. Тогда я выпил пару стаканов воды из-под крана – надеялся обмануть желудок. Не сработало.

– Ну, так что? – спросила Хейли. – Зайдешь сегодня на ужин? Я собираюсь приготовить овощную лазанью, мамино фирменное праздничное блюдо.

У меня слюнки потекли.

Настоящая еда.

– Не могу, – отозвался я.

– Что значит – не можешь?

Я не знал, как ответить, чтобы не соврать. Наверное, виной всему была моя дурацкая гордость – то единственное, что я все-таки перенял у мужчин Эспиноза. Или, может, страх разоблачения: среди студентов колледжа я постоянно чувствовал себя самозванцем. Все ждал, когда же они выяснят, что мне там не место, что какая-то дама из приемной комиссии по ошибке выписала стипендию не тому парню. Пожалуй, на попытки скрыть свое происхождение я тратил не меньше времени, чем на домашнюю работу.

– Мне надо позвонить домой, поговорить с семьей.

– Ну, так поговори – и приходи.

– Нет, ты не поняла. Со *всей* семьей, – пояснил я. – Меня же не будет дома на Рождество. Но спасибо за приглашение.

Несколько долгих секунд Хейли сверлила меня взглядом.

– Ты странный, – наконец сказала она.

И в общем-то была права.

– Ладно, не важно, – продолжила она, сгребая свои вещи со стола. – Сегодня ты рассказываешь первым.

Я все еще чувствовал странное волнение, что вообще-то мне не свойственно. Я не плакал больше года, со дня маминых похорон.

«Может, рассказать Хейли об этом?» – подумал я.

О том, как я увидел маму в гробу и съехал с катушек, сорвался... на глазах у *всех*. Как я кричал, что сыт по горло этим гребаным миром. Как родственники пытались успокоить меня, и тогда я обрушил свой гнев на них.

– Да кому вы тут втираете? – орал я прямо в лицо дяде Гильермо. – Вы же ни черта не знаете обо мне!

А когда он дотронулся до меня, я отпихнул его руку. Да, вот о чем можно было бы рассказать Хейли. О том, как по моим щекам текли слезы, и я продолжал кричать: «Мне плевать на все! Слышите?»

Я рыдал, пока отец не подошел и не отвесил мне оплеуху. Прямо там, при всех. Возле маминного гроба. Дал затрещину, как нашкодившему щенку.

В тот день я дал себе слово.

Что больше не заплачу.

Никогда в жизни.

Что бы ни случилось, кто бы ни заболел или умер.

– Э-эй, – Хейли помахала рукой у меня перед лицом. – Шай, как слышно? Прием!

Я сделал глубокий вдох, а потом медленно выдохнул. И вместо истории о маминной смерти рассказал, как впервые увидел снег.

Два года назад мы всей семьей поехали в горы неподалеку от Сан-Диего и поселились в кемпинге, в большой палатке, которую одолжили у дяди. Родители обещали нам

с сестренкой настоящий снег, но в первые три дня мы так его и не увидели. Было просто холодно. И ветрено. Большую часть времени мы провели в палатке, играя в дурацкие игры вроде «Уно»⁶, мексиканского домино или «Лотереи»⁷. Зато на четвертый день мы проснулись утром – и вот оно. Большие красивые хлопья падали с неба, укрывая землю и все вокруг. Я рассказал Хейли о том, как отец катал сестренку на санках с горки неподалеку от кемпинга, а мы с мамой упали на спину в сугроб и стали махать руками и ногами, изображая летящих ангелов. Как парочка хихикающих малышей. А когда мы встали и посмотрели, что получилось, оказалось, что наши ангелы как будто держатся за руки.

– Ну вот, уже лучше, – улыбнулась Хейли.

Я пожал плечами. Перед глазами все еще стояли картинки из той жизни, что когда-то была у меня.

– Забавно, правда? – продолжала она. – Вот так ждешь не дождешься чего-то – например, снега. А потом раз – и все, уже хочешь, чтобы он поскорее кончился.

Она указала на большое окно, за которым все падал и падал снег.

Мы немного посидели, глядя на него, а потом Хейли рассказала, как впервые узнала, что на свете существуют разные расы. Почему-то прошлой ночью ей вдруг вспомнилась эта история. Может, какой-то телепередачей навеяло. В общем, жила-была маленькая девочка в богатом пригороде Портленда. И вот, на шестой день рождения родители решили сводить ее на мюзикл. Устроили все по высшему разряду: нарядили дочку, усадили в папин «мерседес» и повезли в город. Когда они проезжали мимо «Макдоналдса» где-то на окраине, в окне вдруг показались странно одетые женщины с тоннами макияжа на лице. Это были проститутки, но малышка Хейли тогда еще не знала, кто это такие. Сидя в машине в нарядном белом платье, она во все глаза разглядывала их, ведь ничего подобного ей раньше не встречалось. Загорелся красный свет, и отец остановил машину прямо перед этими женщинами. А Хейли все смотрела и смотрела, пока одна негритянка не обернулась и не встретилась с ней взглядом. Девочка застыла, не в силах отвести глаз. Через несколько секунд женщина в блестящих туфлях на шпильке подошла вразвалку к самому окну машины и спросила, тыча пальцем в лицо Хейли: «Чего уставилась, белая девчонка? Завидно, что ли, а?»

– Не знаю, почему я тебе это вдруг выложила, – проговорила Хейли. – По-моему, я никому об этом больше не рассказывала. Даже самым близким подругам.

Воцарилось неловкое молчание. Мы словно открыли друг перед другом грудную клетку и показали бьющееся сердце. Ну и как после этого вернуться к непринужденной болтовне?

Через несколько секунд Хейли сказала, что ей надо в душ. Я опять сел на диван и открыл книгу, но в голове все крутилась история Хейли. Почему она рассказала ее мне? Потому что я мексиканец? И, скорее всего, вырос в похожем месте? А может, это не имеет ко мне никакого отношения. Мы просто остались одни во всем доме во время снегопада. Вот рассеются тучи, а с ними и этот наш странный сон на двоих растает, словно и не было его никогда.

Я успел раз шестьдесят прочитать один и тот же абзац, но так и не понял, о чем там говорится. Наконец, Хейли вернулась в гостиную. Мокрые волосы, свежий макияж – она была очень хорошенькой.

– Боже, как приятно быть чистой.

– Твоя правда, – преодолев слабость, я оторвал себя от дивана.

– Когда соберешься в ванную, может, сделаешь уже что-нибудь с этими вихрями?

Я стянул шапку.

⁶ Уно (UNO) – американская карточная игра.

⁷ Лотерея (Loteria) – мексиканская настольная игра, наподобие лото.

– С этими-то?

Она подошла и слегка взъерошила мои волосы, застав меня тем самым врасплох.

– Ну, лысина тебе точно не грозит.

Я натянул шапку обратно.

– В общем, если передумаешь насчет ужина – приходи. Можно даже поздно.

– Ладно.

Когда я открыл ей дверь, Хейли снова посмотрела мне прямо в глаза, и у меня опять возникло то самое «непонятное чувство».

– Не понимаю, как звонок домой может растянуться на целый вечер. Но как знаешь, конечно.

Слегка помахав рукой на прощание, ушла.

И только спустя несколько часов я обнаружил, что она оставила в хозяйской ванной полотенце и сумочку с туалетными принадлежностями.

Переломный момент

В тот вечер я так и не пошел ужинать к Хейли.

Но и домой не стал звонить.

Я доел шоколадку Майка, осушил целый пластиковый стаканчик водки, поиграл на гитаре в ванной, а потом сделал что-то и вовсе странное: забрался в ванну и уснул. Понятия не имею, почему. Не то чтобы меня срубило на месте. Просто не хотелось идти ни в гостиную, ни в спальню. Я положил гитару Майка на пол, залез в ванну, съехал немного вниз, чтобы опереться головой о край, закрыл глаза и стал размышлять о жизни.

Дома у меня было четкое представление о себе, но здесь, в Нью-Йорке, от него не осталось и следа. Тут все как-то завертелось, вышло из-под контроля. А теперь я вдобавок был чертовски голоден. Кто-то словно выкручивал мои внутренности, как половую тряпку.

Мне хотелось одного: поговорить по душам с мамой, как в старые добрые времена.

Но это было невозможно.

Проснулся я с легким похмельем. Оливка сидела на крышке унитаза и внимательно смотрела на меня. Мне вдруг стало чертовски стыдно. Да, перед кошкой. Seriously. Я не хотел, чтобы она застала меня в таком виде. Спящим в ванне. Говорят, животные гораздо лучше считывают эмоции, чем люди. Так вот, интересно, что Оливка тогда поняла обо мне?

Хотя нет, лучше мне этого не знать.

Вылезая из ванны, я услышал, как Хейли постучала в дверь. Натянув шапку, я бросился в прихожую и уже хотел было открыть, но тут меня вдруг охватила паника. Одежда! На мне были те же джинсы и рубашка, что и накануне. И ведь не сделаешь вид, что ночевал где-то еще.

Распахнув дверь, я выпалил:

– Ну вот, сегодня я весь вымазался в кетчупе. Пришлось переодеться во вчерашнее.

В руках у Хейли, стоявшей на пороге, на этот раз была не только сменная одежда, но и тарелка с маффинами.

– Я испекла их утром, – произнесла она, не обращая внимания на мою ложь про кетчуп, – и решила, что надо куда-нибудь их срочно отнести, а то сама все слопаю за четверть часа.

– Спасибо, – ответил я, снова испытывая прилив каких-то странных чувств.

Хейли не отдала мне тарелку; вместо этого она отодвинула меня и прошла на кухню.

– Кстати, они с бананово-ореховой начинкой. Спрячу их в холодильник от Оливки...

– Нет, стой! – крикнул я.

Поздно.

Хейли застыла перед пустым холодильником Майка. Посмотрев в него еще немного, она повернулась ко мне с озадаченным выражением на лице.

– Но здесь же ничего нет.

Сердце ухнуло в пятки.

Хейли поставила тарелку с маффинами на полку, закрыла холодильник и стала исследовать шкафчики. Я уже не пытался ей помешать, а просто смотрел, как она открывает и закрывает дверцы, одну за другой.

– Зачем ты мне соврал? – спросила наконец Хейли с болью в голосе.

Я рассмеялся, пытаюсь сгладить неловкость.

– Да ладно, с чего бы мне врать тебе?

– Ты же сказал, что Майк и Дженис оставили припасы.

– Так и было, – подтвердил я, старательно продолжая улыбаться. – Просто... я все уже смел. Глупо вышло, правда? Рождество ведь еще только завтра. Наверно, придется все-таки выбраться в соседний магазин.

Хейли подошла к мусорному ведру, стоявшему под раковиной, и подняла крышку.

– Тут тоже пусто, Шай.

Я молча прислонился к стене.

– Ладно, пойду в душ. А потом мы вот это обсудим, – она указала на холодильник.

– Что обсудим?

– Все, – ответила Хейли. – Ешь пока маффины.

Затем она отвернулась и направилась в хозяйскую ванную.

Едва дверь захлопнулась, я подошел к холодильнику и уставился на тарелку с маффинами. Поднял пленку, которой они были накрыты, и понюхал: еще теплые. Слюна заполнила рот. Мозг словно распух от голода и соображал очень медленно.

Надо поесть.

Срочно.

Но нельзя.

Только не сейчас, пока Хейли еще здесь. Она не должна узнать, насколько я голоден. Иначе она поймет, что у нас совершенно разный уровень жизни. И, скорее всего, перестанет приходить сюда, чтобы воспользоваться душем.

Я вернул пленку на место, закрыл холодильник, сел на диван и притворился, что читаю.

Выйдя из ванной, Хейли первым делом отправилась на кухню и открыла холодильник.

– Да что с тобой такое? – спросила она, возвращаясь в гостиную. – Серьезно, Шай.

– Ничего такого, – ровным голосом отозвался я.

Несколько секунд она смотрела на меня, покачивая головой, а затем махнула рукой и вышла из квартиры.

Убедившись, что она не собирается внезапно вернуться, я рванул на себя дверцу холодильника и вытащил тарелку с маффинами. Потом уселся на пол, схватил кекс, засунул его в рот целиком и принялся жевать. Жевал его и жевал – а второй держал уже в руке, готовясь тут же отправить вслед за первым.

И вдруг заплакал.

Сам не знаю, почему.

Первый раз со дня маминых похорон я почувствовал, что щеки стали мокрыми от слез. И, как ни странно, это было так приятно. Я ощутил себя живым. Наверное, потому что вспомнил о маме. Да и снова наполнить желудок – просто здорово.

Я сидел на полу очень-очень долго.

Ел и плакал.

Плакал и ел.

Стараясь не думать ни о чем, кроме маффинов Хейли.

Как бы это могло быть?

Возможно, у нас со стариком больше общего, чем мне казалось.

Помните, я рассказывал о том, как моей сестренке иногда приходится силком тащить его за стол? Вот что-то в этом роде Хейли пришлось повернуть со мной сегодня.

Она вернулась часов в семь, но на этот раз не для того, чтобы воспользоваться душем. Молча схватив за руку, она потянула меня на лестницу, в лифт, и дальше – в свою наполненную ароматами квартиру, и усадила за обеденный стол.

– Ни с места, – скомандовала она мне, будто немецкой овчарке, а затем пошла на кухню и открыла дверцу духовки.

Я сидел, разглядывал свои руки и вспоминал о доме.

У нас, в семье Эспиноза, канун Рождества всегда был лучше самого Рождества. Все кузены и кузины, дяди и тети приходили в гости к бабушке, дом наполнялся запахом тортилий⁸ и соуса чили. Тетушка Сесилия приносила тарелки с горками сладких тамале⁹. А дядюшка Гильермо тайком угощал нас текилой «Patrón» из бутылки, которую всегда заворачивал в подарочную бумагу («Рождественский подарок для меня любимого!») В гостиной мужчины обсуждали работу, на кухне женщины обсуждали мужчин. В доме звучал смех. Даже если кто-то ронял стеклянную рамку для фотографий или хрустальную фигурку, мы просто хохотали над этим – все, даже бабушка, сметавшая осколки в старинный железный совок.

Дом. Эх...

Как же я соскучился по нему, черт возьми.

Соскучился по *ним*.

– Ни за что не позволю тебе сидеть голодным в канун Рождества, – заявила Хейли, ставя передо мной тарелку, полную еды.

– Я не сидел голодным, – отозвался я, уставившись на роскошный ужин.

Она посмотрела на меня в упор.

– Нет, Шай, сидел.

– Ну, может, немного.

Чем это я заслужил такое, интересно? Только тем, что разрешил ей воспользоваться ванной Майка? Если так, то обмен явно неравноценный. Я всего лишь открыл ей входную дверь, а судя по тому, что здесь на тарелке, Хейли просто надрывалась на кухне. Тут и какая-то белая рыба на гриле, и жареная картошка, и хлеб из дрожжевого теста, и эти штуки типа брокколи с длинным стеблем – все время забываю, как они называются.

– Ты что будешь, «Пино Гри» или «Шардоне»? – крикнула Хейли из кухни.

– Это вино такое, да? – крикнул я в ответ.

Хейли вынесла вторую тарелку и поставила напротив моей.

– Конечно, вино, что же еще?

– В таких делах ты лучше разбираешься... – я поерзал на стуле. – Попроще вопросы задавай, ладно? Я знаю только, что вино бывает белое и красное.

Хейли застыла, уставившись на меня.

– Вообще-то, они оба белые. К рыбе подходит белое.

– Ну, тогда все просто. Берем белое.

– Да, но... Ладно, забудь.

⁸ Тортилья – тонкая лепешка из кукурузной или пшеничной муки.

⁹ Тамале – лепешка из кукурузной муки, обернутая кукурузными листьями, приготовленная на пару, с начинкой из мясного фарша, сыров, фруктов или овощей.

Хейли принесла из кухни бутылку вина и наполнила бокалы.

– Твое здоровье, – сказала она, поднимая свой.

– Салуд¹⁰, – отозвался я, как всегда говорит мой старик.

Мы чокнулись.

После дюжины маффинов на завтрак, – да-да, я слопал все до последней крошки – голод уже не так меня терзал. И все же с каждым кусочком прекрасно приготовленной рыбы я чувствовал, как мое тело оживает. Это была *настоящая* еда. И благодаря ей потрепанный плюшевый мишка наконец-то превращался в человека.

Вино тоже пошло на ура, и Хейли вскоре снова наполнила бокалы.

– Кстати, даже не думай сорваться с крючка, – вдруг сказала она.

– Ты это о чем?

– Об «игре в правду». Вечером я не заходила к тебе мыться, но это не значит, что сегодня мы не должны ничего рассказывать друг другу.

– Ужин – просто объедение, – сказал я, указывая на полупустую тарелку.

– Всего лишь жареная треска.

Хейли помолчала несколько секунд, а потом добавила:

– Но спасибо. Мне нужно научиться принимать комплименты.

– Чур, сегодня первая история – твоя.

Я подцепил вилок очередной кусок брокколи с длинным стеблем. Не знаю почему, но мне не терпелось услышать, что Хейли расскажет на этот раз. Похоже, я начал втягиваться в ее наивную игру.

– Ладно, – Хейли сделала плоток вина, а потом замерла с бокалом в руке, словно о чем-то размышляя. – Иногда я очень беспокоюсь. Насчет себя. У меня нет... «фишки». Скажем, в старших классах я постоянно получала хорошие оценки. Нет, даже не так. Была отличницей. Мне поручили произнести торжественную речь на выпускном. Отборочный тест в колледж написала очень неплохо. И все нужные для поступления факультативы посещала. А на втором курсе работала волонтером в психиатрической лечебнице. Но делала я это только для того, чтобы со стороны все выглядело *как надо*. Глупо, правда?

Именно тогда я вдруг понял, насколько Хейли красива. Идеальная кожа, высокие скулы, очаровательные крохотные веснушки вокруг носа. Но дело было не только в физической привлекательности. Вообще-то мне многие девчонки нравятся – такие вот у меня гибкие эстетические критерии. Но в Хейли было что-то совершенно особое. В ее улыбке и ямочках на щеках. В том, как она смущалась: слегка пожмет плечами, чуть наклонит голову – и уставится на свои ноги. А иногда, когда светло-карие глаза Хейли встречались с моими, темно-карими, я чувствовал, будто она просовывает руку мне в грудную клетку и нащупывает там самое потаенное. В такие моменты мне хотелось ничего не скрывать от нее, пусть даже что-то и покажется ей неприглядным.

– Проблема в том, – продолжала Хейли, – что я никогда не понимала, *зачем* я все это делаю. Знала, что этого от меня ждут, и только.

Она снова наполнила наши бокалы.

– Причем не могу сказать, что родители или школьные психологи как-то давили на меня. Нет, дело было во мне. Я сама хотела быть лучшей. Но все мои решения в старших классах были продиктованы стремлением добиться отличных результатов *на бумаге*. Я ни на секунду не задумывалась о том, что же мне на самом деле *нравится* делать. Грустно это как-то, правда?

– А по-моему, скорее честно.

¹⁰ Твое здоровье (исп.).

Обычно мне нравится помалкивать. И слушать. Но вино как раз ударило в голову, подарив странное ощущение уюта, и я разговорился.

– Скажи, что тебе ближе: быть лучшей в том, что просто нравится, или посредственностью в любимом деле?

– О, господи. Даже не знаю, – отозвалась Хейли. – Трудно выбрать. А ты что решил? Мне кажется, этот вопрос основан на личном опыте.

Я положил серебряные приборы на пустую тарелку, взял в руку бокал и откинулся на спинку стула. Казалось, будто я – герой фильма, что ли. Или сериала про британских богачей вроде того, о котором говорила Хейли. Веду глубокомысленные беседы в красивой квартире в Нью-Йорке. Потягиваю, черт возьми, вино из настоящего бокала. До этого я пил вино всего один раз – с Джессикой, из рюмок, потому что в квартире ее отчима ничего другого не нашлось.

– Единственное, что я искренне люблю помимо семьи – так это музыку. Гитару. Но я точно знаю, что музыкант из меня так себе.

– Ты ведь играешь здесь иногда, правда?

– Я? Нет, что ты. Не в квартире Майка. Только у себя дома.

Перестань врать!

– Ну, вообще бывает. Бренчу немного. Но это не всерьез.

– Так я и знала, – кивнула Хейли. – Поначалу думала – радио играет. Выходит, не так уж ты и плох.

Я смущенно помотал головой.

– Ладно, проехали.

Хейли рассмеялась.

– Похоже, не мне одной стоит научиться принимать комплименты.

После недолгого и даже не очень-то неловкого молчания, я произнес:

– Знаешь, я тоже вроде как не в курсе, чем хочу заниматься. Иногда чувствую себя как бутылка газировки, которую как следует встряхнули. Вроде и страсть бурлит внутри, рвется наружу, а куда направить ее – непонятно. Ты что-то в этом роде имела в виду?

– Именно. И порой я с тревогой думаю, что так и не узнаю, куда же ее направить.

Хейли разлила остатки вина по бокалам, но его оставалось совсем на доньшке, так что она встала и открыла вторую бутылку.

После ужина мы проболтали еще несколько часов. Когда вторая бутылка вина закончилась, я сбегал вниз и принес водку Майка. Хейли смешала водку с клюквенным соком, мы уселись на диван в гостиной и болтали, болтали без умолку. Она рассказывала о своем детстве в Орегоне, а я – о жизни на границе с Мексикой. Потом Хейли описала канун Рождества, который могла бы провести сейчас дома: поужинала бы в шикарном ресторане с мамой, папой и младшей сестрой, а потом они сидели бы у камина и по очереди открывали подарки. А я рассказал о празднике в гостях у бабушки.

К полуночи я изрядно набрался. Конечно, мне нравилось просто общаться с Хейли, но тут я уже стал подумывать, что будет, если ее поцеловать, и решил перевести разговор на другие рельсы.

– Слушай, Хейли, – сказал я.

– Что, Шай?

– Может, теперь моя очередь устанавливать правила, а?

– Хм-м, – Хейли отвела взгляд, догадываясь к чему я клоню. – Но это уже не моя игра, учти. А просто разговор. Надеюсь, ты чувствуешь разницу.

– Чувствую, – отозвался я. – Вот только... я тут...

– Что?

– ...подумал, каково это... ну, знаешь... подержать тебя за руку. И все. – Я поставил бокал на стол и посмотрел ей в глаза. – Как на настоящем свидании.

Хейли смущенно рассмеялась.

– У нас не получилось бы настоящего свидания, потому что дома меня ждет бойфренд. Помнишь?

– О, черт. Да, тот терпеливый парень. Совсем вылетело из головы.

Чистая правда. Так увлекся моментом, что напрочь забыл обо всем на свете за пределами этого дома. Я сделал глоток водки с клюквой.

И тут вдруг Хейли совершила нечто удивительное. Она поставила бокал на стол, потом забрала мой бокал и поставила его рядом.

– Ты же не предлагаешь мне руку и сердце, правда ведь? Только подержаться за руки, и все.

Я шумно сглотнул.

– Чтобы узнать, каково это.

– Мне кажется, это вполне невинно.

– Но, если честно, – я коснулся голой лодыжки Хейли, – в глубине души я, может быть, как раз хотел предложить тебе руку и сердце.

Хейли оттолкнула мою руку.

– Вот видишь. Именно поэтому мне не надо было принимать душ у тебя в квартире. От душа недалеко до «давай подержимся за руки», а там и... Нет уж, лучше отращивать рождественские дреды.

Хейли заправила волосы за ухо, а потом дотронулась до моей руки.

Я едва мог вздохнуть.

Да, больше всего на свете мне хотелось ощутить ее прикосновение, но в то же время было очень страшно. Ведь я слишком хорошо себя знал. *Непонятное чувство* охватило меня с такой силой, что все мысли смешались. Глаза в глаза, рука в руке. Тело просто звенело от напряжения.

– Отличный подарочек, – с трудом выдал я наконец.

Она переплела пальцы с моими, и несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга, не произнося ни слова. На мгновение мой взгляд спустился к ее губам, но я тут же приказал себе снова посмотреть ей в глаза. Лицо Хейли посерьезнело, и она тихо откашлялась.

– Мне надо кое в чем признаться. Кое в чем не очень хорошо.

– Хм-м, – нервно выдавил я, опасаясь, что она уберет руку.

– Вообще-то я не тянула до последнего. Билет на самолет у меня был уже давно.

Мой пьяный мозг не сразу понял смысл того, что она сказала. Получается, она *решила* не лететь домой. Значит, она чего-то избегает. Или *кого-то*. Сердце гулко бухнуло в груди.

– Но я так и не поехала в аэропорт.

– Почему?

– Потому что струсил. – Хейли села ко мне чуть ближе. – Теперь ты меня презираешь?

– С чего вдруг?

Она пожала плечами.

– А что тогда ты думаешь обо мне?

Я на несколько секунд застыл, глядя в свой бокал. А потом поднял глаза и произнес:

– Я думаю о том, каково это – поцеловать тебя в щеку?

Хейли глубоко вздохнула и сжала мою руку.

– Может, стоит проверить?

Но когда я наклонился к ее левому уху, она вдруг повернула голову, и я поцеловал ее в губы.

Едва прикоснулся к ее губам, и тут же отстранился, глядя на нее. Наши взгляды встретились. И у нее, и у меня грудь быстро поднималась и опускалась. Без раздумий я обхватил ладонями лицо Хейли, как можно нежнее, и снова поцеловал ее. На этот раз дольше. По-настоящему. И она ответила мне.

Не прерывая поцелуя, она прижала меня к спинке дивана. Ее пальцы тянули меня за волосы, а я медленно вел руками вниз по ее теплему телу.

– Что мы делаем? – выдохнула она мне в ухо.

– Не представляю, – отозвался я и снова поцеловал ее.

И растворился. В ее губах. Ее прикосновениях. Хейли и я. Она приготовила мне ужин, а теперь мы с ней вдвоем на диване. Это невероятно. И тут на несколько мгновений моя душа от восхищения покинула тело. Я парил под потолком и с изумлением смотрел на все сверху. Затем я заставил себя вновь сосредоточиться на ее губах, на ее животе под моими ладонями и материализовался вновь.

Все, что я чувствовал, было таким... живым.

Словно я вдыхал целый мир разом.

Спустя несколько минут я перевернул Хейли на спину и прижал ее руки к дивану. А потом отстранился и внимательно посмотрел на нее. Мы оба тяжело дышали, желая продолжения.

– В чем дело? – спросила она.

– Мне хочется большего.

Она закрыла глаза, а потом медленно открыла их снова.

– Я знаю, но...

– Хочется узнать, каково это – *быть* с тобой.

Она не ответила, и тогда я снова наклонился к ней. Мы целовались еще и еще, но теперь прилив энергии был таким мощным, что мой разум совсем затуманился. Я стал расстегивать ее блузку, одну пуговицу за другой, а потом скользнул руками по спине. Застежка лифчика щелкнула...

И тут Хейли остановила меня.

Повернув голову, она вывернулась из моих объятий, быстро застегнула лифчик и принялась за пуговицы блузки.

– О, черт, – я смотрел на нее, а в животе будто метался рой бабочек. – Черт, я зашел слишком далеко, да?

Она не отозвалась сразу, и тогда я окликнул ее:

– Хейли?

Она встала и застыла, прижимая ладони к лицу. Когда через несколько секунд она опустила их, в глазах читалась тревога.

– Что я делаю?

– Это я виноват...

Хейли хотела убрать со стола наши полупустые бокалы, но вдруг поставила их обратно, подошла к двери и распахнула ее.

– Извини, но я вынуждена попросить тебя уйти.

– Прости, Хейли. Меня занесло...

– Пожалуйста, Шай, – отрезала она.

И даже не посмотрела в мою сторону. Вот что, пожалуй, было хуже всего. Если бы она взглянула на меня, то увидела бы, что я искренне сожалею, и все наладилось бы. Но этого так и не произошло.

– Ладно, – я вышел на лестницу, нажал кнопку вызова лифта и уставился в пол, услышав, как за спиной захлопнулась дверь.

Рождество

В рождественское утро Хейли не пришла мыться.

Мы с Оливкой сидели на диване в гостиной, ждали, что она постучит в дверь, но так и не дождались.

Я уставился в раскрытую книгу, но на самом деле не читал, а пытался рассмотреть события прошлой ночи со всех возможных точек зрения. И каждый раз все сводилось к одному и тому же – ко мне. Я ведь знал, что у нее есть парень. Да, она не полетела домой – значит, у них сейчас не ладится, или что-то вроде того. Но все равно. Я зашел слишком далеко.

Почему же это вечно именно я?

Тот, кому хочется большего.

Из-за трехчасовой разницы во времени домой я позвонил только в полдень. Поговорил немного с отцом, но в основном болтал с сестренкой. Мы пожелали друг другу счастливого Рождества. Она описала все блюда, которые готовила к празднику. Сказала, что отец собирается заехать в Чула-Виста и привезти оттуда бабушку, а вместе с ней – целую гору домашних тортилий. Потом они с цветами отправятся на кладбище.

– Но без тебя все будет не так, – сказала она.

– Да уж.

– Нет, серьезно. Я же первый раз поеду туда без тебя, – она помолчала. – Ты только не вздумай провести этот день один, Шай. А то мне будет совсем грустно.

– Нет, что ты. Ко мне тут друзья придут, мы запечем окорок и всякое такое. Все будет просто супер, не парься. – Я переложил трубку из одной руки в другую. – Хотя я бы лучше провел этот день с вами.

– Кстати, у Орешка уже получше с зубами. Судя по тому, что он теперь постоянно кланчит у нас еду – и все из-за тебя.

Я улыбнулся, вспомнив, как тайком скармливал псу остатки обеда.

Мы с сестренкой поболтали еще немного об отце, который, по ее словам, тоже пошел на поправку. А потом я сказал, что мне надо готовиться к приходу друзей, и мы попрощались. Перед тем как отключиться, я сказал:

– Эй, Софе!

– Что?

– Держись подальше от парней.

Я принял душ, не закрывая дверь ванной, и надел лучшую рубашку из тех, что взял с собой, когда собирался сидеть с кошкой. И даже намазал волосы гелем Майка – слегка, чтобы пригладить непослушные вихры. А потом уселся с Оливкой на диван и стал читать, но все-таки прислушивался, не раздастся ли стук в дверь.

Заснеженное крыльцо

Проснулся я от того, что Оливка скреблась во входную дверь.

– Куда это ты собралась? – спросил я, слезая с дивана.

И вдруг увидел его.

Маленький конвертик на полу, под самой дверью. А на нем – мое имя, выведенное аккуратным девичьим почерком. Я выглянул в глазок – никого.

В конверте обнаружилась открытка. На переднем плане худой Санта махал мне, сидя за рулем кабриолета. Внутри от руки было написано: «Это остатки лазаньи с того вечера,

когда ты меня продинамил. Поставь в микроволновку на две-три минуты. И кстати, счастливого Рождества».

Открыв дверь, я обнаружил за ней большую тарелку, завернутую в фольгу. *Хейли не ненавидит меня!* Но едва я наклонился, как Оливка вдруг выскочила на лестницу.

– Эй, ты куда? – поставив тарелку, я рванул за кошкой, но она успела взбежать по лестнице. За спиной захлопнулась дверь, а я помчался наверх, на этаж Хейли, перепрыгивая через ступеньки.

Но Оливки нигде не было.

«Отлично, – подумал я. – А ведь это была моя единственная работа, чтоб ее».

Взлетев на верхний этаж, я обыскал площадку, выглянул в окно, осмотрел заснеженную пожарную лестницу. Потом бегом спустился на первый этаж, оглядел подъезд, заглянул в угол с почтовыми ящиками. Но Оливка будто сквозь землю провалилась.

Через пятнадцать минут бесплодных поисков я стоял на коврике перед квартирой Хейли, и нерешительно поднял руку. Она ведь принесла тарелку с едой и ушла, а не пригласила в гости – значит, явно не хотела меня видеть. Да и просить о помощи я как-то не привык.

И все же.

Я постучал.

Хейли тут же открыла дверь и встревоженно посмотрела на меня.

– Что случилось? Я слышала, как ты носишься по лестнице вверх-вниз. Раз пятнадцать уже пробежал, не меньше.

– Оливка куда-то смылась. Обыскался ее уже, никак не найду. Майк и Дженис меня *убьют*.

Хейли схватила ключи.

– Уверена, она где-то здесь. Пошли.

Мы снова поднялись на верхний этаж и обшарили каждый уголок. Хейли даже открыла окно, выходящее на пожарную лестницу, и высунула голову. Ничего. Оливки не оказалось ни в лифте, ни в мусоропроводе, ни в кладовке. Мы прочесали каждый этаж, с последнего до первого. Как вдруг на обратном пути Хейли дернула меня за рукав и указала на что-то.

– Да ты издеваешься, что ли? – выпалил я.

Оливка сидела возле тарелки, завернутой в фольгу, и вылизывала правую лапу. Она даже не стала вырываться, когда Хейли взяла ее на руки. Я открыл квартиру Майка, Хейли опустила Оливку на пол, и кошка невозмутимо прошествовала к своей миске.

– Напугала меня до смерти, – выдохнул я.

– Ты что, все-таки попытался сидеть с кошкой и одновременно смотреть телевизор?

Я саркастично усмехнулся.

– Нет, но спасибо! Правда. Не знаю, что бы я делал без тебя.

– Никаких проблем.

Волосы Хейли почему-то были влажными. И глаза, кажется, припухли.

– Даже если это был коварный план, чтобы заманить меня сюда.

Она наклонилась, подняла тарелку с лазаньей и протянула ее мне.

– Спасибо за угощение, – я стоял с тарелкой в руках, уставившись в пол. – Насчет вчерашнего... Хейли, мне очень, очень жаль...

– Я знаю, что ты, наверное, голодаешь, – оборвала она меня. – Но скажи честно, вот именно сейчас, в эту секунду, ты очень хочешь есть?

– Сейчас? – переспросил я. – Нет, не особенно. А что?

– Надень самое теплое пальто и непромокаемые ботинки. Встречаемся внизу в пять.

* * *

Тучи наконец-то рассеялись, и низко в небе показалось солнце. Воздух на улице был морозным и свежим. Я шел за Хейли по заметенной дорожке и видел, как облачка пара вырываются у меня изо рта. Мы шли очень медленно: толстый слой снега покрывал все вокруг.

– Мне так нравится ходить по нему первой, – сказала Хейли, с хрустом наступая в нетронутое белое море.

– Мне тоже.

Из обуви у меня нашлись только кроссовки, так что носки уже промокли. Да и толстовка оказалась слишком тонкой. Приходилось держать руки в карманах, чтобы они не замерзли. Но прокладывать путь по свежему бруклинскому снегу было здорово. Обычно он через несколько минут превращался в мерзкую бурую жижу.

Добравшись до Седьмой авеню, мы оглядели пустую улицу.

– Сегодня это все – только для нас с тобой, – сказала Хейли.

– А куда мы идем, кстати?

– В Проспект-парк. Мне кажется, сейчас там просто потрясающе.

Магазины и рестораны не работали. Металлические жалюзи, разрисованные граффити, были опущены и закрыты на замок. Полные мусорные баки превратились в высокие сугробы. Снегоуборщики сюда еще не добрались, поэтому трудно было понять, где заканчивается тротуар и начинается проезжая часть. Да и машин все равно не было. Пешеходов, впрочем, тоже. Хейли была права: только мы с ней отважились выйти на улицу после такой метели.

Дойдя до середины следующего квартала, мы услышали музыку, доносившуюся из окна какого-то особняка. Обычная рождественская песенка, которая казалась не такой уж и банальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.